

Азарт среднего возраста

Автор:

[Анна Берсенева](#)

Азарт среднего возраста

Анна Берсенева

Нью-Йорк – Москва – Любовь #3

В чем состоит кризис среднего возраста? В том, что из жизни уходит азарт. Семейный быт стал рутинным. Дети выросли, у них свои интересы. Карьерные высоты взяты. Тогда и наступает растерянность... Чего добиваться, в чем искать жизненный кураж? Этот неизбежный вопрос задает себе успешный бизнесмен Александр Ломоносов. И вдруг на его пути появляется женщина – юная, красивая, «с перчинкой». Источник нового азарта найден! Но тут-то и выясняется, что жизнь идет не по правилам психологического тренинга. И в прошлом самого Александра, и в истории семьи Ломоносовых немало событий, которые создают сложный и тонкий рисунок судьбы... Но как разобраться в причудливых линиях этого рисунка?

Анна Берсенева

Азарт среднего возраста

Часть I

Глава 1

– Все. Есть пятерка. Ну, Сань, поздравляю!

В голосе Пашки слышался неподдельный восторг. Даже легкого отзвука зависти в нем не было. Конечно, Пашка хотел бы взять Большую африканскую пятерку сам, этого хочет любой охотник. Но от того, что крупный лев лежал у ног Александра, и полуоткрытый глаз его поблескивал в луче фонаря с тусклой и мрачной смертной угрозой, и казалось, что жизнь еще не совсем ушла из неподвижного тела, так яростно, так немертво напряжены были под шкурой мощные мускулы, – от всего этого Пашка не испытывал зависти. Он просто не знал подобных чувств.

Они провели у озера пять суток. На исходе дня к водопою приходили мелкие антилопы, потом, к вечеру, покрупнее. Когда сумерки сгустились, к воде выходили буйволы-баффало, и Пашка расстраивался, что не может выстрелить, хотя ему баффало вполне подошел бы, потому что в его арсенале из всей Большой пятерки пока был только леопард.

Но сейчас им нужен был лев. Сейчас была охота Александра, а он за последние два года уже успел взять четверых: баффало, леопарда, носорога и слона. Остался только лев, и льва он ждал у озера.

Слоны приходили в темных, совсем уже лиловых сумерках. Их топот отдавался в земле просторным, далеко уходящим гулом. Они фыркали, переговариваясь, пили шумно, трубно, словно сигналили друг другу, и темная вода, казалось, кипела вокруг их невозможно крупных тел. Их существование вообще казалось Александру невозможным, странным. Слишком уж выпадали они вот с этим своим нарастающим гулом шагов, и с трубностью звуков, и с замедленной мощью движений из обычной жизни, даже такой буйной, как африканская.

Слоны приходили каждый вечер, и каждую ночь приходили леопарды, но льва не было. При мысли о том, что он может не прийти совсем, Александра одолевал уже не просто азарт, а та чистая, хрустальная злость, которая одолевала его всегда, когда он чувствовал, что от него отворачивается удача.

Но он пришел, этот вожделенный лев, пришел на пятую ночь и лежал теперь на успокоившейся к рассвету земле, подтверждая ту острую, тревожную связь с большой жизнью, без которой Александр не чувствовал и своей жизни тоже.

- Бутылка с тебя, - сказал Пашка. - В смысле, коньяка ящик.

- Само собой. - Александр улыбнулся. - До вечера потерпишь?

Отмечать Большую пятерку вечером, когда все охотники сходились к ужину, было, конечно, разумнее, чем на рассвете, прямо над львиной тушей. Но если под Пашкин восторг коньяк потребовался бы прямо сейчас, Александр готов был поторопиться.

- Потерплю, - улыбнулся и Пашка. - Кстати, может, пижон наш тоже кошку подстрелил. Выставит тогда свое винище наконец.

Пижоном он называл Аркадия, с которым они познакомились еще в самолете, когда летели в Намибию. На поясе у Аркадия висел тубус, и все подумали, что он, как истовый охотник, держит в нем прицелы; ружья полагалось сдавать в багаж. И только потом выяснилось, что в тубусе хранились три бутылки коллекционного вина, которым Аркадий намеревался отметить открытие своей Большой пятерки, то есть леопарда, за которым он и отправлялся в Африку.

Кроме вина, у Аркадия имелись с собой три австрийских ружья, причем каждое было сделано на заказ в единственном экземпляре, а дома, как выяснилось, дожидались хозяина еще тридцать ружей, предназначенных, по его мнению, для разных видов охоты. Александр, как всякий опытный охотник, знал, что достаточно иметь два простых и надежных английских карабина, и то два, а не один лишь потому, что в горах предпочтительно более легкое оружие, чем на равнине. Над австрийскими игрушками, изукрашенными инкрустацией, он втихомолку посмеивался, так же, как и над Аркадиевой курткой из новомодной мембраны. Одежду для охоты, как и ружья, Александр покупал в Лондоне, и она была точно такая, какую носили охотники еще во времена английских колоний: простая и удобная, фасон и каждый шов выверены столетиями. Она не продувалась ветром, в ней можно было ходить неделю, не принимая душ и не чувствуя потного тела. Всего этого Аркадий напрочь не понимал, и не от неопытности не понимал, а от той самой черты характера, о которой Пашка, посмеиваясь, говорил:

– Дешевые понты дорого стоят.

А вот над чем никто не посмеивался, это над наличием у Аркадия спутницы. Звали ее Аннушка, было ей двадцать лет, прическа у нее была в виде стянутого резинкой хвостика, и еще она носила бейсболку. Бейсболка, по мнению Александра, была неправильным предметом ее гардероба, потому что длинный козырек затенял Аннушкино лицо. Между тем даже при случайном взгляде на это лицо хотелось ахнуть и замереть на всю оставшуюся жизнь соляным столпом, а при более подробном его рассмотрении – немедленно отмереть и подойти к Аннушке поближе, чтобы разглядеть ее получше, а если повезет, то и потрогать.

Аркадию повезло: Аннушка сопровождала его в Намибию в качестве официальной любовницы, и трогать ее он мог сколько угодно.

Александр стало жаль, что засаде у озера Аркадий предпочел блуждания по лесу в поисках леопарда, на отстрел которого у него имелась лицензия. Будь он здесь, Аннушка увидела бы сейчас льва, лежащего у Александровых ног... Впрочем, вряд ли увидела бы: охоту она не любила, жару тоже, поэтому проводила дни под кондиционером в бунгало. А уж представить ее караулящей зверя на берегу озера пять суток кряду – это было просто из области фантастики.

Вообще же в ней не было ничего фантастического. Точнее, не фантастичность в ней была, а какая-то яркая необычность. Когда Александр увидел Аннушку впервые, то сразу подумал, что она похожа не на слона с его мощной невозможностью и не на льва с его невозможным же, не звериным каким-то ревом, а на зебру – быструю, крепкую и яркую.

Подобно этой необычной полосатой лошадке, Аннушка поражала неопытное воображение. Александр помнил, что вот именно поразился, впервые увидев зебру не в зоопарке, а на свободе: «Ух ты! Это что за чудо такое?»

Теперь воображение его было настолько опытным, что его не прошибить было изумлением даже слону. Но при мысли о том, что сегодня вечером он увидит Аннушку, Александру делалось весело.

– Ты встань возле льва-то, – сказал Пашка. – Фото на память!

Александр присел на корточки возле гривастой головы. Мертвый львиный глаз косил с загадочным равнодушием.

«Что это со мной? – недоуменно мелькнуло в голове. – Как-то мне... все равно?»

Эта странная догадка исчезла слишком быстро, чтобы успеть стать мыслью. Но оставленная ею легкая царапинка, зазубринка исчезать никак не хотела.

Глава 2

– А ты поищи-ка их сейчас в Кении! Хоть одного льва найди, найди! В заповеднике только, да и там браконьеры отстреливать умудряются. Одни, блин, снега Килиманджаро в Кении этой остались. А в Намибии охота разрешена, и ты посмотри, что тут на водопое творится. Отбою нет от зверья!

Пашка чуть слюной не брызгал от возмущения. Он и так с трудом переносил снобизм, которого Аркадий не считал нужным скрывать, а когда этот снобизм коснулся охоты, то просто взорвался. Сидеть не где-нибудь в лагере «зеленых», а на охотничьей базе, после целого дня, который сам же ты провел в поисках леопарда, разговаривать с людьми, которые, как и ты, приехали в Африку на охоту, – и сквозь губу рассуждать о горькой судьбе несчастных зверюшек!

Правда, непосредственно о несчастных зверюшках Аркадий не высказывался – таких слов просто не было в его лексиконе. Зато склонности к философствованию было в избытке; она-то и привела Пашку в раздражение. И потому, что была сейчас неуместна, и по другой, Пашкой едва ли осознаваемой причине.

В мыслях Аркадия была та самоуверенная поверхностность, которая неизменно раздражает каждого человека, обладающего живым и точным, хотя бы и не слишком изощренным в знаниях умом. Пашка был именно таким человеком, и Александр опасался, что его друг не выдержит и попросту заедет Аркадию в морду.

– Носорога прошлогодного помнишь? – Пашка обернулся к Александру. – Вся деревня в ножки же кланялась, когда ты его застрелил!

Носорога, застреленного здесь же, в Намибии, Александр помнил прекрасно. Он словно и не зверем был, тот носорог, а сплошным черным сгустком агрессивной энергии. И набросился сразу, как только увидел человека, не дожидаясь не то что выстрела, но даже движения с его стороны. Если бы Александр не попал ему точно в глаз с первого выстрела, неизвестно, чем закончилась бы та охота.

Это был носорог-отшельник, старый самец. Он пришел, чтобы отбить самок у другого носорога, молодого, и все носорожье семейство было страшно встревожено появлением одинокого чужака, настроенного так решительно и разрушительно. Крестьяне из соседней деревни были встревожены еще больше: бой равных по силе самцов не предвещал ничего хорошего. Они и попросили местную администрацию срочно выдать лицензию на отстрел старика, и тот стал в прошлом году для Александра четвертым зверем в Большой пятерке.

– Нет, Сань, ну ты скажи! – повторил Пашка. – Мы ж не уроды. С вертолета не охотимся, самок и детенышей не стреляем. Только старых самцов. А старый самец свое так и так отжил, не зря из стаи уходит. Это ж по природе так, не нами придумано! Скажи, Сань?

Пашка и в пятнадцать лет, когда они только познакомились, говорил точно так же, по-мальчишески: «Скажи, Сань?» – и смотрел с таким же ожидающим доверием.

Александр улыбнулся. За тридцать лет их дружбы Пашка изменился, конечно. Но вот этот взгляд и эти интонации были зримым подтверждением того, что главное в нем осталось неизменным.

– Все правильно, – сказал Александр. – В ЮАР вон гепарды исчезать стали, как только охоту на них запретили.

– Не вижу прямой связи, – пожал плечами Аркадий. – Численность популяции зависит от многих факторов, охота здесь совершенно ни при чем.

– Деньги здесь при чем, – усмехнулся Александр. – Земли фермерские, за каждую антилопу охотник по три тысячи платит. А гепарды на тех же антилоп

охотятся абсолютно бесплатно.

– Ну и что? – В глазах у Аркадия появилось злое упрямство.

– А то, что фермеру выгодно гепардов на своих угодьях потихоньку отстрелять, чтобы они дорогостоящих антилоп не уничтожали. Вот и весь фактор численности. Ну, за мою Большую пятерку!

Александр поднял бокал с коньяком, возвращая общее внимание к предмету торжества. Он сделал это не из какого-то особенного миролюбия, а лишь потому, что не тот это был спор, который необходимо завершать победой. Да и... Странная царапинка безразличия, которую он почувствовал у себя в мозгу сегодня на рассвете, когда стоял над мертвым львом, почему-то свербил до сих пор, мешая с прежней самозабвенностью думать и о сегодняшнем торжестве, и об охоте вообще.

Зато Аннушка! О ней Александр думал постоянно, даже когда ее не видел. Она притягивала его внимание так, как будто он был железным, а у нее внутри был запрятан очень сильный магнит. А уж когда она присутствовала в сфере его внимания не абстрактно, а зримо, то отвести от нее взгляд было просто невозможно.

В честь праздника она сняла наконец свою дурацкую бейсболку, и ничто не мешало рассматривать ее лицо. Лицо было отмечено таким совершенством всех черт, что, будь Аннушка постарше, казалось бы холодным. Но при ее сверкающей молодости никакая холодность ей не грозила. Высокие скулы дразнили так, будто разговаривали, а от одного вида ее ярких, чуть приоткрытых губ твердый холодок рождался у Александра в животе и быстро распространялся по всему телу. Аннушка почти не бывала на солнце, но волосы у нее все равно выгорели и падали теперь на плечи белой, с платиновым отливом волною.

Сейчас Аннушкины плечи были скрыты только этим вот платиновым водопадом: она вышла к столу в открытом вечернем платье. Конечно, могло быть, что она сама захотела принарядиться к торжественному ужину, но Александр предполагал, что ее попросил об этом Аркадий. Он был чрезвычайно разборчив в одежде и на ужине, даже обычном, всегда появлялся в дорогом галстуке и стильной тройке, предназначенной для охоты на уток.

Когда Александр увидел ослепительные Аннушкины плечи, у него не то что в животе похолодело, но даже губы пересохли. Всю свою Большую пятерку он отдал бы за то, чтобы это была не черт знает чья, а его женщина! И как она умудрялась быть такой яркой при таких белых волосах и коже? Просто хоть глаза зажмуривай, чтобы не ослепнуть.

Выпив, Александр взглянул на Аннушку снова, сквозь коньячный прищур. Волосы, плечи, губы, скулы, даже брови – все в ней сияло победной, не замечающей и не сознающей себя красотой молодости. Она была вещь в себе, и за всю свою немаленькую уже жизнь Александр не видел ни одной вещи, которая вызывала бы у него такое бешеное вожделение.

Ему казалось, что даже стоящие по углам мертвые хищники смотрят на Аннушку с тем же чувством.

Зал для ужина был оформлен как классический хантинг-рум: без окон, с камином, с точно направленным на охотничьи трофеи светом. Все семь человек, которые собрались сегодня отметить Большую пятерку, приезжали на эту охотничью базу уже не по первому разу. Исключением был только Аркадий. Ну и Аннушка соответственно.

Ужин подходил к концу. Александр едва заметно кивнул вышколенному официанту, черному как рояль намибийцу в снежно-белом фраке.

– Включите, пожалуйста, музыку, – сказал он; как и вся здешняя прислуга, намибиец понимал по-английски. – Дама хочет танцевать.

Танцевать хотела отнюдь не дама, а сам Александр. И даже не танцевать он хотел – не мальчишка же, впервые попавший на дискотеку! – просто в танце было бы вполне естественно обнять Аннушку, прикоснуться к ее сводящим с ума плечам. На то, что это может не понравиться Аркадию, ему было плевать. Запретить не сможет и драться не полезет, а если полезет, то и это не проблема. С детства знакомый азарт заиграл у Александра в груди веселыми пузырьками, словно он пил не коньяк, а хорошее французское шампанское.

Официант оказался понятливый: музыку включил медленную, томную, как южная ночь. Никто не понял, что музыка означает танцы – решили, что это просто новый фон для беседы.

Александр встал и, обогнув стол – Аркадий со своей спутницей сидели напротив, – подошел к Аннушке. Он не стал объяснять, чего хочет, просто коснулся ее плеча. Она встала сразу, но не поспешно, не с голодной готовностью, а лишь с удовольствием от предстоящего действия. От его предстоящих объятий – так ему хотелось думать.

Аркадий недовольно покосился на чересчур галантного кавалера, но не произнес ни слова. Александр уже понял, что он панически боится показаться смешным. А что может быть в представлении сноба смешнее, чем живые чувства, к которым относится ревность?

Оказавшись у Александра в объятиях, Аннушка не разочаровала нисколько. Плечи ее были прохладны, как будто она только что вышла из озера, и, казалось, свежо поскрипывали у Александра под ладонями. И вся она была свежа настолько, что, наклонившись к ее уху, он сказал:

– Вы свежи, как майская роза.

– Фу, какая пошлость!

Аннушка смешно сморщила носик и весело сверкнула зелеными глазами.

– С кем пошлость, а с кем и точность. С вами – точность.

– Хорошо, что вы додумались потанцевать. – Ее веселый голос прозвучал у самого его уха: Аннушка приподнялась для этого на цыпочки. – Ужас как мне все это надоело!

– Что – все? – тоже весело спросил он.

– Тише! Все-все. Охота эта ваша, вообще походно-полевые радости. Слава богу, хоть сортир нормальный и вода в кране, а то бы совсем чума. И чего Аркашке в голову взбрело сюда тащиться? Он же брезгливый, как кошка. Стрелял бы своих уток в Германии, далась ему эта Африка. Хотя...

– Что – хотя?

Александр еле сдерживал улыбку, любясь ее прекрасными глазами. Аннушкину шею обвивало тройное изумрудное ожерелье, и ему казалось, что крупные камни отражаются в ее глазах, делая их еще ярче, хотя ярче было уже некуда.

- Хотя вообще-то понятно, почему его сюда понесло. Трусливый, вот почему! Но всем хочет доказать, что крутой. А главное - себе.

Что Аннушка неглупа, Александр догадался в первый же день знакомства с нею. И теперь эта догадка только подтверждалась. У нее был тот самый ум, который присущ только женщинам и поэтому Александром особенно ценим: быстрый, хваткий, легкий и точный в своей практичности.

- Пусть доказывает, - улыбнулся он. - Нам-то какое дело?

Аннушка восприняла его «нам» как должное. Может, просто пропустила мимо ушей, но такая ее реакция обнадеживала.

- Вам не жарко? - наклонившись к маленькому Аннушкиному уху, спросил Александр.

- Здесь кондиционер.

Ее глаза сверкнули любопытством и насмешкой: что, интересно, ты придумаешь, чтобы выманить меня на улицу одну? Ничего особенного Александр придумывать не собирался. Он знал, что для завоевания красивых женщин, как и для зарабатывания больших денег, важны не слова, а напор внутренней энергии. Ну, и фантазия тоже. Но это уже для того, чтобы деньги - тратить, а женщин - удерживать возле себя.

- Вы из бунгало совсем не выходите, - сказал он. - Африки практически не видели.

- Ваша Африка так воняет, что ее и видеть необязательно. И так можно себе представить.

- А как гиены лают, слышали? - не отставал Александр. - Сплошная мистика. И ходить далеко не надо, прямо возле базы слышно.

Ночной лай гиен, похожий на зловещий хохот, вызывал дрожь даже у самого бесстрашного человека. В этом лае и в самом этом животном действительно было что-то мистическое, не зря таксидермисты брали за чучело гиены двойную цену.

Но Аннушку было не прошибить.

– Саша, – мило улыбаясь, заявила она, – вы зря стараетесь. Я уеду отсюда с тем же мужчиной, с которым приехала.

Черт, и когда она успела научиться так ловко прихватывать мужчину на крючок? Ведь всего двадцать лет девчонке! Впрочем, на замедленную реакцию Александр не жаловался. И выхватывать из любой фразы главное тоже умел.

– А потом? – быстро спросил он. – Отсюда уедете с тем же, я понял. А в Москве?

– Ну-у, это когда еще будет! – засмеялась Аннушка. – Это ведь вы уже отстрелялись, а Аркашка еще неделю собирается за своим леопардом гоняться.

– Значит, через неделю в Москве.

Александр коротко сжал пальцы, лежащие у Аннушки на талии, и с самым невозмутимым видом отвел ее обратно к столу. Аркадий был мрачнее тучи. Аннушка сияла совершенной безмятежностью.

– Благодарю за танец, – сказал Александр. – А то совсем от цивилизации отвык.

Подали горячее. Аркадий вяло ковырял жаркое из буйволятины. Аннушка ела увлеченно. Глядя на нее, Александр понимал: это не от избыточного аппетита, а потому что ей интересно пробовать новое. Он вообще понимал ее все лучше, и все же – не до конца. И эта неокончателность понимания дразнила его так, как не мог бы раздражить самый головокружительный секс.

– Да Александр Игнатьич по натуре своей охотник, – услышал он. – А что стреляет метко, это уж так, сопутствующий фактор.

Пашка сидел у камина в компании трех парней из Сибири и, похоже, травил охотничьи байки. Его собственный опыт в этом смысле был невелик, поэтому он использовал опыт друга. Сибиряки на каждом шагу повторяли, что вся эта Африка по сравнению с их Саянами и с их тайгой – ерунда на постном масле. А Пашка почему-то считал своим долгом опровергать это мнение, как будто ему Африка была домом родным.

– Сань, ты расскажи, как у тебя слон ожил, – обратился он к Александру. – А то ребята не верят.

Александр как раз не был любителем охотничьих баек, так что по собственной инициативе рассказывать про ожившего слона не стал бы. Но попробовать еще один способ воздействия на Аннушку все-таки стоило. Правда, он уже догадывался, что стандартный набор охмурежа на нее не действует, но в этом следовало убедиться окончательно.

– Ну, слон-то не у меня ожил, – косясь на Аннушку веселым глазом, сказал Александр. – А сам по себе.

Аннушка разглядывала сверкающий цветочек из стразов у себя на ногте и была полностью поглощена этим увлекательным занятием.

– И чего сделал? – с интересом спросил самый молодой из сибиряков, Григорий.

– И вставать начал. Это мы уж потом поняли, что ему первая пуля не в мозг вошла, а оглушила только. Я карабин разряжаю – он встает.

– И чего? – повторил Григорий.

– Встает и бежит. К счастью, не сразу сориентировался – не на меня, а от меня сначала побежал, в сторону. А когда опомнился и на меня бросился, я уже успел опять карабин зарядить.

– И с одного выстрела слона обратно уложил, – с гордостью сказал Пашка.

Историю про ожившего слона он вообще-то знал только понаслышке, но сибирским охотникам сообщать об этом не собирался.

– А с однозарядным карабином не пробовал, Александр Игнатъич? – поинтересовался сибиряк постарше.

В отличие от остальных охотников, он сразу представился по имени-отчеству, Антон Иванович, и выяснил отчества всех присутствующих. Фамилию свою и должность он, правда, не назвал, но Александр с первого взгляда распознал в нем крупного чиновника, начавшего карьеру еще при советской власти. Так оно и оказалось: Пашка быстро выведаль, что Антон Иванович – вице-губернатор Сибирской области.

– Пробовал и с однозарядным, – кивнул Александр. – Есть в этом азарт, конечно. Знаешь, что второго выстрела у тебя нет – или попал, или зря пять суток за зверем ходил. Но на медведя нормальный человек с однозарядным не пойдет. И на слона не пойдет, и на льва.

– Почему же не пойдет? – вдруг вмешался Аркадий. – Если, как вы сами говорите, в этом есть азарт? Или вы свой азарт разумно дозируете?

Он произнес это с такой хорошо рассчитанной насмешкой, что цель вопроса была совершенно ясна. Так же, как и отношение Аркадия к Александру.

Аннушка закончила изучение цветочка из стразов и, вынув из сумочки перламутровый телефон, принялась с такой же увлеченностью писать записочку.

– Я свой азарт ценю, конечно, – пожал плечами Александр. – Но жизнь свою ценю все-таки больше. И даже ради самого распрекрасного слона гибнуть не желаю. И особенно не желаю гибнуть ради того, чтобы самому себе что-то доказать, – с нескрываемой насмешкой глядя на Аркадия, добавил он. – Мне для этого однозарядный карабин не нужен.

Аркадий стал блее, чем фрак у официанта, который как раз менял ему тарелку. Потом кровь бросилась ему в лицо, потом... Потом не произошло ничего.

– Аня, ты не устала? – обернувшись к своей спутнице, произнес он. Только хорошо знающий людскую природу человек мог слышать в его голосе с трудом сдерживаемую ярость. – Ты утром говорила, у тебя голова болит.

– Утром болела, а теперь прошла. – Аннушкины зеленые глаза сверкнули так, что черт бы не догадался, о чем она сейчас подумала. – Но если хочешь, пойдём спать.

Пока Аркадий желал всем спокойной ночи, Аннушка, не оборачиваясь, прошла к выходу. Сегодня она впервые надела не только вечернее платье, но и туфли на шпильках, и походка у нее от этого стала такая, что все собравшиеся в хантинг-руме мужики проводили ее обалделыми взглядами, а самый молодой, Григорий, даже рот приоткрыл.

– Да-а... – протянул Антон Иванович, когда дверь за ушедшими закрылась. – Чтоб перед такой женщиной перья распусть, не только что в Африку, на Марс полетишь. В ваши, конечно, годы. Я-то уж так, чисто теоретически рассуждаю.

Александр не знал, полетел бы ради Аннушки на Марс или нет. Но он бешено хотел эту женщину, он не просто хотел заполучить ее в постель – он хотел ее добиться. Со всей силой, которую вкладывал в это понятие.

«Больше, чем льва? – удивленно подумал он. – Но почему вдруг?»

Это в самом деле было достойно удивления. Женщины, даже такие красивые, как Аннушка, все-таки водились поближе к дому, чем львы, и с их добычей было меньше проблем.

Александр поднялся и вышел на улицу. Звезды сияли так, что казалось, по черному небу разлиты лужицы расплавленного металла. Свет их был крупным и ярким, от него можно было ослепнуть.

– Что-то меня заштормило, – сказал Александр.

– Ты чего, Сань? – Оказывается, Пашка вышел вслед за ним и услышал эти глупые, ни к кому не обращенные слова. – Коньяка, что ли, перебрал?

– Да нет. Сдвинулось что-то.

– В смысле?

– В смысле, желания сместились. Чего-то я не того хочу.

Пашка обладал многими ценными качествами. Одним из них было умение не лезть в те области, в которых он не разбирался.

– Иваныч в Саяны приглашает, – сказал он. – На сибирского козерога поохотиться. Он в Большой шлем входит или как?

Большой шлем, состоящий из двенадцати горных баранов, считался более сложной добычей, чем даже Большая пятерка, и охотники гонялись за баранами по всем горам, где они только встречались. Александр уже открыл счет на Тянь-Шане и мечтал о венце Большого шлема, баране Марко Поло, который водился на Памире.

До сегодняшнего дня мечтал. А сегодня что-то сдвинулось в нем, сместилось, и желания его стали непонятны ему самому, а мечты тем более. Кажется, их просто не стало. И сегодня ли?..

– Пошли спать, Паш, – сказал Александр. – Первую ночь ведь не в засаде. Хоть на чистые простыни лечь.

– Это да, – согласился Пашка. – Иной раз думаешь, ну ее к бесу вообще, эту охоту. А потом вроде и жалко. Адреналин-то нужен. А где его брать?

Александр не мог с такой уверенностью сказать, что ему нужен адреналин; он не анализировал состав своей крови так подробно. Но что-то ему нужно было такое, что он находил именно в охоте. Это необъяснимое «что-то» было основой его жизни. И вот сегодня он остро почувствовал, как эта основа вдруг поколебалась.

А почему? Он не знал.

Глава 3

Ровно в два часа дня Александр вышел из офиса.

Если он был не в отъезде и днем не случилось срочных дел, он всегда ездил обедать домой. А если возникала необходимость встретиться с партнерами в ресторане, то назначал такие встречи не на обед, а на вечер, чтобы не лишать себя возможности пообедать дома.

Не то чтобы домашние обеды – это было святое. Но Александр помнил, как Вера, сестра, однажды сказала ему:

– Шebutной ты, Сашка, вечно куда-то рвешься. А детям твоим, между прочим, из-за этого повседневной устойчивости не хватает.

– И что я должен делать? – удивился он тогда.

– Заведи хоть какие-нибудь традиции, – посоветовала Вера. – Подарки под елочкой, рыбалка по воскресеньям, еще что-нибудь в этом духе.

В точности внять этому совету было невозможно. Подарки под елочкой Юля считала глупостью, а рыбалка... Александр мог бы брать сына не только на рыбалку, но и на охоту, хоть в ту же Африку, но Денис был таким яростным противником убийства живых существ, что ни о чем подобном лучше было при нем даже не заикаться. Когда Диньке было десять лет, он вообще заявил, что не будет есть мяса, потому что в нем заключено вещество боли и страха, и Александру стоило немалых усилий убедить сына в том, что без мяса у него не будет сил для спорта. Только спорт и решил дело – Денис не мог жить без тенниса.

Но большой теннис, в котором он делал уже серьезные успехи, требовал всех его сил и всего времени. А младшая, Дашка, занималась в театральной студии и училась в хорошей гимназии, где требования были высокими, и училась на «отлично»... И вообще, дети вступили как раз в тот возраст, пятнадцать и шестнадцать лет, когда их жизненные интересы были почти не связаны с домом.

Так что домашние обеды были не столько традицией, сколько привычкой. И еще данью Юлиной экономности, которую не мог поколебать никакой рост благосостояния. Каждый раз, когда Юля бывала с Александром в ресторане, она не уставала повторять, что приготовила бы то же самое дома, только в десять раз вкуснее и в двадцать раз дешевле. Сначала Александра это раздражало, а

потом он перестал обращать на Юлины слова внимание. В конце концов, готовила она в самом деле вкусно. А ситуации, когда в ресторане надо было появиться именно с женой, а не с любой подходящей к случаю женщиной, были не так уж часты.

Но обедать он предпочитал все-таки не в ресторане. Заметив, что муж стал являться к обеду домой, Юля немедленно потребовала неукоснительной явки и от детей. Она умела ценить мужнино внимание.

Открыв дверь, Александр почувствовал густой запах борща и с удовольствием вдохнул поглубже, будоража и так уже разыгравшийся аппетит. Юля варила борщ по рецепту своей сестры и перед самой готовностью добавляла в него сало, растертое с чесноком. Оттого и умопомрачительный запах.

- Привет, пап.

Денис был уже дома - выглянул из своей комнаты. Утром, когда Александр уезжал на работу, сын еще спал: каникулы же. А потом, наверное, ушел на тренировку или еще по каким-нибудь своим делам, отцу неизвестным.

- Привет, - ответил Александр. - Как дела?

- Нормально.

- Как тренировки?

- О'кей. Давай быстрее пообедаем, - нетерпеливо сказал Денис. - Я на пять часов договорился.

- О чем?

- Ну, так... В кино.

Конечно, он собирался встретиться с девчонкой, иначе вряд ли говорил бы таким уклончивым тоном. Пока не начал заниматься спортом, Динька был смешной, нескладный и неуклюжий и ужасно этого стеснялся. Так что потом, когда он превратился в ладного и красивого парнишку, то даже не сразу понял, что

девочки уже оказывают ему внимание. А как только понял, то стал использовать их внимание на полную катушку.

- А Дашка? - спросил Александр.

- Да дома, дома уже. По телефону болтает.

Денис чуть не вприпрыжку побежал в кухню, где Юля брэнчала посудой, накрывая на стол.

Пять лет назад, когда Александр только что купил эту квартиру, жена завела было обычай обедать в комнате.

- Для чего хоромы такие? - возмущалась она. - Чтобы чадом кухонным дышать?

Но обычай так и не прижился, несмотря даже на Юлино редкостное упорство. И она перенесла обеды обратно в кухню, направив свою гигантскую энергию лишь на то, чтобы расширить ее и полностью перестроить. Теперь кухня приближалась по размеру к небольшому спортзалу, а вытяжка над плитой работала так, что ни о каком кухонном чаде и речи быть не могло.

- Саша, зови Дашку. - Не оборачиваясь от плиты, Юля услышала, что муж вошел в кухню. - Второй час на телефоне висит, безобразие какое. Денис, футболку белую сними, а то борщом заляпаешь.

- Может, мне вообще голым обедать? - возмутился Денис. - Или слюнявчик повязать?

Прежде чем Александр успел позвать дочь, она сама появилась в кухне.

В отличие от брата, который за два последних года вымахал чуть не под потолок и ростом сравнялся с отцом, Дашка была миниатюрна, как Дюймовочка. Внешностью она являла прямую противоположность обоим родителям и брату.

Дашка была обычной московской девчонкой, общительной, решительной, острой на язычок. Но, вне зависимости от характера, в ее облике необъяснимым образом запечатлелась та за душу берущая трепетность, которую Александр

знал только в одной женщине – в маме. В те редкие минуты, когда Дашка не болтала, не смеялась, не спорила с Юлей или с братом, а думала о чем-нибудь своем, – при взгляде на нее у Александра сжималось сердце.

Но сейчас Дашка явно думала только о какой-нибудь животрепещущей ерунде, которую час с лишним обсуждала по телефону. В глазах ее от этого плясали чертики и никакой трепетности не было помину.

– Безобразие! – воскликнула Юля. – Отец обедать пришел, а она по телефону трещит! Все тебя ждать должны?

– Развели домострой! – фыркнула Дашка. – Могли и без меня начинать. Я все равно суп не буду.

– Слушать не хочу этих глупостей. Суп она не будет! Не хватало еще анорексию подхватить.

– Как ты себе это представляешь? – хмыкнул Денис. – Грипп подхватывают. А анорексия – это если Дашка после каждой еды два пальца в рот и в сортир начнет бегать.

– Вообще есть не буду! – завопила Дашка и стукнула брата по спине. – Мам, чего он гадости говорит?

Это была обычная домашняя возня, которой Александр дорожил. И какой мужчина с жизненным опытом, да еще с таким, как у него, не дорожил бы тем, что здоров, небеден и у него отличные дети?

– Сегодня с дизайнером разговаривала, – сказала Юля, когда борщ был разлит по тарелкам. Наверное, она ожидала, что муж спросит о содержании разговора. Но он молчал, и она продолжила сама: – Рассчитала его. – Александр промолчал и на это. – А зачем деньги зря выбрасывать? – не обращая внимания на отсутствие интереса с его стороны, объяснила Юля. – Минимализм, минимализм!.. Мне этот минимализм в молодости надоел. Бедненько, но чистенько.

Александр прекрасно понимал, о чем она говорит. Он с самого начала удивился тому, что она пригласила для отделки дома именно этого дизайнера. То есть удивляться, может, и не стоило: его порекомендовала соседка, которая, как Юля разузнала, была главной законодательницей рублевской моды. Притом именно в сфере домашнего дизайна – для моды ландшафтной имелись другие авторитеты.

В тот единственный раз, когда жена затащила его посмотреть только что законченное оформление цокольного этажа, Александр понял, что выше подвала Юля этого художника не пустит. Помещение, предназначенное в основном для хозяйственных нужд, было оформлено с таким тонким, таким свободным вкусом, который совершенно не вязался не только со вкусом его жены, но даже с ее обликом.

Юля была тяжеловесна. Не то чтобы толста – она была слишком активной, чтобы толстеть, вся энергия, которую она получала с пищей, немедленно расходовалась на какие-нибудь бытовые действия, – но вот именно тяжела: с широкими плечами, сильными руками, уверенной поступью. Ее просто невозможно было представить в той легкости линий, которую предлагал для жизни этот дизайнер. Основательность, с которой Юля относилась к быту, проявлялась во всем, даже в выборе мебели – всегда массивной, отделанной какими-нибудь узорчатыми накладками.

– Все-таки стены без обоев не смотрятся, – поморщилась она тогда, обведя подвал хозяйским взглядом. – Штукатурка эта... Как в деревне.

Александр, наоборот, понравилось ощущение свежести и новизны, которую создавали простые оштукатуренные стены. Пространство, которое они очерчивали, было гармоничным и ясным, и никакие обои – наверняка Юля имела в виду что-нибудь бордовое с золотом! – были в таком пространстве, конечно, не нужны.

Но объяснять все это жене Александр не стал. Дом на Рублевке он купил для нее и не собирался вмешиваться в его обустройство. То есть и для себя он его купил, конечно, – в том смысле, что поток Юлиной энергии с приобретением дома перенаправился и перестал захлестывать лично его.

Поэтому, пригласи она того дизайнера или этого, разбей сад в английском или во французском стиле, – все эти подробности интересовали его так же мало, как Юлю африканская охота. Да, в конце концов, у него и времени не было на то, чтобы всем этим заниматься. У него были корабли в водах пяти государств, и порт в Мурманске, и планы по вылову краба на Дальнем Востоке. У него была насыщенная, требующая воли и силы жизнь, и если бы он стал обсуждать с женой те бесчисленные мелочи, из которых ее жизнь состояла сплошь, это показалось бы ему таким же странным, как если бы он увлекся, например, изготовлением браслетов из бисера.

Дети проглотили обед мгновенно, как акулы. Их жизнь в каждом своем ежеминутном проявлении была направлена в будущее, как стрела, и тратить ее на прием пищи, конечно, казалось им глупым. Дашка чмокнула отца в щеку и исчезла из-за стола прежде, чем он успел хотя бы спросить, куда она направляется. Денис, несмотря на свой внушительный рост, тоже выветрился как-то незаметно.

– Приляжешь после обеда, Саша? – спросила Юля. – Или торопишься?

– Зачем мне ложиться? – пожал плечами Александр. – Чтобы жирок завязался?

– У нас когда-то дома заведено было после обеда полежать, – вздохнула Юля. – Отец говорил, до обеда сон серебряный, а после обеда золотой. Перед обедом рюмку настоечки для здоровья выпивал... Ну, там другая жизнь была. В свое удовольствие.

Юля была родом из Нежина, и, судя по тому, что она рассказывала о своем детстве, этот украинский городок являл собою кусочек рая на земле, а люди в нем жили сплошь как гоголевские старосветские помещики.

Это было хорошо. Все в его жизни было хорошо. И, главное, ему было с чем сравнивать, поэтому ровное течение обыденной жизни нисколько его не раздражало, не нагоняло скуку. В конце концов, для сильных ощущений существуют работа и охота, а семья – надежный тыл. Конечно, в этом утверждении есть банальность, от которой хочется поморщиться, но ведь, по сути, это чистая правда.

Годы, которые принято считать опасными в связи с кризисом среднего возраста, Александр уже миновал. Как раз в то время, когда многие его ровесники ударились в запой или в беседы с психотерапевтами, он сидел в Матросской Тишине и никакого возрастного кризиса поэтому не заметил. А сейчас ему сравнялось сорок три, и это были те годы, которые для мужчины уже должны стать расцветом сил, а никаким не кризисом.

Он и чувствовал в себе расцвет сил. Но почему в последнее время, вопреки всякой очевидности, этот расцвет стал казаться ему пустоцветом?

- В июне опять, наверное, в Турцию поеду, - сообщила Юля, собирая тарелки. - Думаю, может, нам дом там купить? Каждый год ведь минимум по два раза езжу. В Аланье, я узнавала, можно недорого взять. В сосновом лесу, для здоровья полезно.

- С детьми поедешь? - уточнил Александр.

Это было единственное, что его в связи с Юлиной поездкой интересовало.

- Уговоришь их! Дашка в Испанию хочет, в молодежный лагерь. А у Диньки сборы, как всегда. Опять с Оксанкой придется.

Оксанка - это была та самая сестра, по рецепту которой Юля варила борщ. Значит, вопрос о покупке дома в Аланье уже обсужден всесторонне, осталось только получить его согласие, понял Александр. Весь год в этом доме поочередно, каждый в свой отпуск, будут жить многочисленные украинские родственники, а в начале лета и в конце осени - это были любимые Юлины месяцы для поездки к морю - жена будет безуспешно уговаривать его отдохнуть наконец семьей.

- Тебя дети послушаются, - будет говорить она. - Это передо мной носами крутят, а с тобой как миленькие поедут.

А он будет отговариваться какими-нибудь срочными делами, и срочные дела, конечно, в самом деле найдутся.

Он ценил жену, с которой прожил семнадцать лет. Он готов был предоставить ей все, что она считала для себя необходимым. Но он при всем желании не мог предоставить ей себя – свое время, азарт, страсть. Да и не было у него такого желания. Все это как-то совсем не связывалось в его сознании с женою.

К счастью, Юля и не претендовала на такие, для нее неясные, проявления его жизни. Толковый, не пьет, деньги зарабатывает, семье ни в чем не отказывает – что еще от мужчины надо? Она догадывалась, что у мужа случаются романы на стороне, но, обладая цепким женским чутьем, догадывалась и о том, что ничего серьезного они в себе не содержат.

Александр сам слышал, как, обсуждая этот вопрос с сестрой, Юля сказала:

– А что с того, если и погуливает? Не мыло, небось не смылится. Нормальный мужик чем больше гуляет, тем лучше понимает: у всех баб между ног одно и то же, из-за этого семью не рушат и детей не сиротят. А Саша у меня нормальный.

И не объяснять же ей было, что она не понимает о нем чего-то такого, что он и сам затрудняется назвать словами...

Тем более что в общем Юля была права: если отбросить эмоциональные частности, он в самом деле давно понял про женщин именно то, о чем она говорила.

Во всяком случае, до последнего времени он был уверен, что это так.

Александр позвонил сразу же, как только вышел на улицу. И наконец, впервые за два месяца, ему ответили.

– Здравствуйте. А я уж думал, вы номер поменяли, – стараясь говорить ровным тоном, сказал он.

Какая-то очень сильная волна нахлынула на него сразу, как только он услышал ее голос. Это была волна будущего, и это будущее обещало больше, чем содержало в себе настоящее. Александр чуть не задохнулся от восторга, вызванного ударом этой волны.

– Неужели для вас это стало бы преградой? – Он яснее ясного увидел, как блеснули веселой зеленью Аннушкины глаза. – Вот этот мой номер вы же как-то узнали.

Этот ее номер он узнал очень просто: когда Аннушка во время одной из общих вечерних встреч в хантинг-руме по обыкновению играла со своим перламутровым, как карамелька, телефоном, Александр взял его у нее из рук и набрал свой номер.

– Теперь я смогу позвонить вам в Москве, – объяснил он, выключая телефон, зазвонивший у него в кармане.

Аннушка ничего тогда не ответила, только загадочно улыбнулась.

Он и звонил ей в Москве, но она не отзывалась на его звонки, хотя ее телефон не был выключен. Александр надеялся, что она, может быть, позвонит сама: прощаясь, он раздал свои визитные карточки всем новым африканским знакомым. Сибирский Антон Иванович отзвонился сразу по возвращении домой, повторил свое приглашение на охоту в Саяны.

И вот теперь Аннушка вдруг отозвалась, и это наполнило Александра таким мальчишеским восторгом, какого он от себя не ожидал.

– А мне чучело льва привезли, – сказал он. – Которого я в Намибии застрелил. Помните, обещал вам его показать?

Как прост, как незамысловат был язык, которым он разговаривал сейчас с Аннушкой! И каким новым казался этот язык оттого, что звучал именно в разговоре с нею...

– Я готова на него посмотреть, – со своей сводящей с ума веселой усмешкой ответила она. – Теперь готова...

И тон, которым она сказала, что готова посмотреть на льва именно теперь, тоже был незамысловат в своей прозрачной интриге. Но тоже – как же он был хорош, этот дразнящий тон, как будоражил все, что Александр чувствовал у себя внутри и что называлось мужской сущностью! А в его нынешнем состоянии не

будоражил даже, а возрождал.

– Сегодня готовы? – быстро спросил он.

– Весь вы в этом, Саша! – Теперь она уже не усмехнулась, а рассмеялась. – Нет, все-таки не сегодня. Завтра.

– Завтра утром я вам позвоню. Во сколько будет не рано?

– Я все равно, пока не проснусь, телефон не включаю. Звоните, когда хотите.

Он хотел позвонить ей прямо сейчас, в ту же минуту, когда спрятал трубку в карман. Но она положила предел его терпению, и он согласился подождать, потому что знал, что ожидание его будет вознаграждено.

Глава 4

Охотничий домик, купленный Александром десять лет назад близ Переславля-Залесского, давно уже не вмещал всех его трофеев. Собственно, назвать его охотничьим домиком можно было лишь с большой долей условности: это была обычная деревенская изба, слегка облагороженная внутри. Да и деревня, в которой она стояла, была не из тех, в которые принято возить, например, деловых партнеров, чтобы провести переговоры в обстановке непринужденной респектабельности.

Вообще-то не стоило бы везти сюда и Аннушку. Она была не просто красивая женщина, а женщина из тех, которые словно покрыты слоем дорогого перламутра и которых трудно поэтому представить в сколько-нибудь природных условиях. Александр успел подумать об этом, пока она шла от своего подъезда к его машине, играя ножками на высоких каблуках.

Но когда она села в машину, когда взглянула на него этим своим неповторимым взглядом, дразнящим и веселым, когда сказала:

– Здравствуйте, Саша. Как приятно вас видеть! – все подобные мысли выветрились у него из головы мгновенно.

В том, что невидимым образом произошло между ними сразу же, как только они увидели друг друга, и что должно было еще произойти – неважно, сегодня или днем, или неделей, или даже месяцем позже, – во всем этом имело значение лишь то, что Чехов, которого Александр любил читать в юности и, к собственному удивлению, не разлюбил в зрелые годы, называл стихийными силами: страсть, тяга, азарт.

«Чехов, правда, не это стихийными силами называл, – мелькнуло у Александра в голове. – Ну, неважно!»

Он успел еще вспомнить, что Чехов называл стихийными силами гуртовое невежество и вырождение, но тут же и забыл об этом. Он вообще забыл обо всем, что не имело отношения к Аннушке. И успел лишь с изумлением понять, что такая вот страстная забывчивость настигает его впервые за многие годы... Как же она была хороша, эта забывчивость, эта самозабвенность, как она дышала молодостью!

И точно так же дышала молодостью Аннушка.

– Где вы так загорели? – поинтересовался Александр, когда она села к нему в машину. – В Москве, по-моему, ни в мае, ни в июне солнца не было.

Когда он увидел, каким нежно-золотым, не искусственным загаром покрыто ее лицо, как соблазнительно уходит этот загар в вырез ее пестрого сарафанчика, туда же, куда убегает длинная цепочка-косичка из разноцветного золота, – у него мгновенно пересохло в горле.

– А на Лазурном Берегу солнце было. Я туда каждый год в мае уезжаю.

– К Каннскому фестивалю?

– Ну конечно, – кивнула Аннушка. – Все же в это время ездят. Сначала фестиваль посмотреть, а потом просто так потусоваться.

Александр не стал спрашивать, кто эти «все», которые строго в определенное время ездят на Лазурный Берег, чтобы потусоваться на Каннском кинофестивале. Он не считал себя светским человеком, но то, как устроена московская жизнь богатых и знаменитых, знал не понаслышке. И когда по правилам этой жизни принято ездить в Альпы, а когда в Ниццу или на Сардинию, знал тоже.

Аннушка же, судя по всему, отдавалась светской жизни с удовольствием и знала ее поэтому во всех подробностях. Все время, пока стояли в пробке у выезда на Ярославское шоссе, она рассказывала, кто был и что делал в этом году в Ницце. Александр краем уха слушал историю о пляжной вечеринке, устроенной нефтяным магнатом в честь дня рождения его подружки, о том, как в конце гулянки имя этой подружки вспыхнуло в небе над морем разноцветными огненными колесами, о том, как во время другой вечеринки всех девушек с ног до головы обливали шампанским, и это, конечно, довольно противно, потому что волосы липкие и платье в пятнах, но сознавать, что тебя облили «Дом Периньоном», что ни говори, приятно.

Он слушал все эти ничего не значащие глупости и чуть заметно улыбался, искоса поглядывая на Аннушку. Она на секунду отвлеклась от рассказа, заметила его взгляд и вдруг рассмеялась.

– Саша! – воскликнула она. – Какой вы непонятный человек!

– Непонятливый? – уточнил он.

– Не непонятливый, а непонятный.

– Что же во мне непонятного?

– Ну, например, я не понимаю, что вы думаете, когда меня слушаете. Я же вижу, вам все это совершенно неинтересно. Все, что я рассказываю. Но вы слушаете с удовольствием. Почему?

Ответить на этот вопрос так, как есть, значило бы, пожалуй, обидеть ее. А выдумывать что-нибудь возвышенное не хотелось. Ничего не хотелось выдумывать, глядя на ее цветущую красоту.

– Я в Ниццу однажды зимой приехал, – сказал Александр. – На неделю. Из-за глупости, в общем.

– Из-за какой глупости? – заинтересовалась Аннушка.

Наверняка она подумала о какой-нибудь умопомрачительной любовной истории. Александр сдержал улыбку и ответил:

– Хотелось послушать мистраль.

– Мистра-аль? – удивленно переспросила она. – А что это такое?

– Ветер.

– Просто ветер? – Она удивилась еще больше.

– Ветер с севера. Я читал, когда он дует, на сердце тоска ложится. Хотел проверить, правда ли.

– Ну и как, проверили?

По тому, как она пожала плечами, Александр понял, что развивать эту тему не стоит. Любому человеку неприятно поддерживать разговор о том, чего он не понимает, и Аннушка в этом смысле не исключение. Отвлек ее внимание, чтобы не объяснять, о чем думает, глядя на нее, – и достаточно, пора менять разговор.

Да и как пересказать, что он чувствовал в ту зимнюю неделю в Ницце, когда ночами лежал один в мансарде и слушал однозвучный шум мистраля? Этот ветер в самом деле навевал тоску, и Александр быстро догадался, почему: он дул в одном и том же направлении, с одной и той же силой. Он был однозначен, как смерть.

– Проверил, – сказал Александр. – Вы не проголодались, Аннушка? Через пару километров ресторан. Можем пообедать.

Ему приятно было произносить ее имя. И по тому, как она улыбнулась, он вдруг понял, что и ей приятно слышать, как он его произносит.

– Я не люблю придорожных ресторанов, – сказала Аннушка.

И вдруг рассмеялась.

– Что? – сам едва сдерживая смех, спросил Александр.

– Ой, Саша! Мы с вами про Ниццу поболтали, и мне сразу устриц захотелось.

Он давно уже заметил эту ее особенность: что бы она ни говорила, смысл ее слов никогда не совпадал с интонациями, взглядом, улыбкой. Это несовпадение было в ней невыразимо привлекательно – дразнило, будоражило, веселило кровь.

– Разворачиваемся? – весело спросил он. – Едем устриц есть?

– Куда, в Ниццу? – так же весело спросила она. – Хотя вы, я думаю, и с этим не задержались бы. Нет, Саша, поехали уж посмотрим вашего льва, раз собрались. Я, в отличие от вас, последовательна. В школе отличницей была.

– Я тоже последователен, – сказал Александр. – Только моя последовательность в данном случае состоит не в том, чтобы непременно посмотреть льва.

– А в чем же?

– В том, чтобы сделать все, чего вы захотите.

Она промолчала, не зная, что ответить. Ее маленькая скула порозовела от удовольствия. Александр еле удержался от того, чтобы поцеловать это полускрытое волной светлых волос пятнышко.

Они все-таки остановились, но не у ресторана, а возле бабки, которая продавала клубнику. Александр помыл клубнику в придорожном роднике, и остаток пути Аннушка ела ее, и приятно было наблюдать, как с каждой съеденной ягодой губы ее становятся еще свежее, еще ярче, хотя ярче уже, казалось, и некуда.

Его охотничья изба стояла у самого леса. За ней приглядывал сосед, единственный непьющий мужик в деревне, но вообще-то Александр не особенно беспокоился о сохранности имущества. У местных мародеров были собственные представления о ценностях, их скорее заинтересовали бы какие-нибудь копеечные миски из цветного металла, чем многотысячное чучело носорога, с которым непонятно что делать.

Александр остановился у самого крыльца, но Аннушка все-таки ойкнула, выбираясь из машины: зацепилась каблуком за бурьян, которым порос двор.

– Я редко здесь бываю, – объяснил Александр. – Заросло все.

– Странно, – заметила Аннушка. – Мне казалось, охотники чуть не каждый день своими трофеями любуются.

Он мог бы объяснить, что трофеи перестают его интересовать в ту самую минуту, когда становятся трофеями, а потом, когда их доставляют от таксидермиста в виде чучел, его охватывает странное чувство: неужели из-за этого леопарда он не спал ночи напролет в африканском лесу, а из-за этого барана мучился от горной болезни на Тянь-Шане?

Но в этих мыслях, едва выразимых словами, содержалась какая-то неясная тревога, а сейчас, рядом с Аннушкой, тревоги и неясности ему не хотелось. И объяснять ей он ничего не стал.

К тому же Александр вдруг понял, какую сделал глупость, что в эту первую их встречу привез Аннушку именно сюда. По дороге, из окна его «Лексуса», летний мир еще выглядел яркой и приятной глазу картинкой – чем-то вроде ненавязчивого фильма. Но здесь, в заросшем бурьяном дворе, на опушке густого леса, этот мир вдруг предстал слишком каким-то... настоящим для такой женщины, как Аннушка. Александр остро почувствовал, какое недоумение вызывает у нее деревенский пейзаж, пронизанный июльским жаром и гудящий к тому же комарами.

«Затмение на меня нашло, что ли? – разозлился он на себя. – О чем я думал, когда сюда ее тащил?»

Дело было в том, что он вот именно не думал, когда решал, куда везти сегодня Аннушку. Если бы подумал, то, конечно, вспомнил бы о существовании ресторанов с устрицами, гостиниц с номерами люкс и прочих услужливых благ, о которых она, судя по тонким каблукам и шелковому сарафанчику, похожему на вечернее платье, как раз таки отлично помнила. Но он так сильно хотел остаться с нею наедине, что ему сразу пришла в голову эта дурацкая изба.

Такое могло с ним случиться только от растерянности. Он растерялся при мысли об Аннушке.

Эта догадка так поразила Александра, что он не сразу сумел отпереть замок на входной двери.

Дверь открылась с таинственным скрипом. Из избы пахнуло прохладой.

– Ох, как приятно! – сказала Аннушка. – У вас здесь кондиционер?

– Это же бревенчатый дом, – улыбнулся Александр. От наивности ее слов его растерянность сразу прошла. – В хорошем срубе всегда летом прохладно, а зимой тепло.

Войдя в дом, она испуганно ойкнула. И немудрено: мало кто не пугался, увидев черного огромного носорога, который словно бы выходил навстречу прямо из мощных бревен стены.

– Это этого вы, что ли, в прошлом году убили? – изумленно спросила Аннушка. – Такого огромного? Как же вы не испугались? И сразу попали ему в глаз, когда он на вас побежал?

Про то, как Александр попал точно в глаз бросившемуся на него носорогу, всей африканской компании рассказывал Пашка. В тот вечер Александр был уверен, что Аннушка эту историю не слушает, так увлеченно она писала телефонную записочку во все время Пашкиного рассказа. Оказывается, и слышала она все прекрасно, и запомнила.

– Этого, – с трудом сдержав довольную улыбку, кивнул он.

– Ужас! Я и представить себе не могла. То есть я, конечно, знала, что носороги большие, но чтобы такие...

– Неужели в зоопарке никогда не видели?

– Я в зоопарке не была.

– Как это? – удивился Александр. – А в детстве?

– В детстве я жила в городе Кропоткине. Знаете, где это? Видите, не знаете. Есть такая дыра на Кубани. Зоопарка там нет, конечно. Там вообще ничего нет. Я школу экстерном закончила и в шестнадцать лет оттуда сбежала. Чтобы стать московской гламурной девушкой. И ничего зазорного в этом не вижу! – с вызовом добавила она. – Вы-то москвич, а родились бы в городе Кропоткине, тоже к гламуру потянуло бы.

Александр сомневался, что его потянуло бы к гламуру, родись он не то что в Кропоткине, а даже в деревне Большая Грязь. Но спорить с Аннушкой он не стал.

– А откуда вы знаете, что я москвич? – спросил он. – Может быть, я в столицу из Урюпинска приехал.

– Не может этого быть, – усмехнулась Аннушка. – Я настоящий московский выговор ни с каким не перепутаю. Сама вон с преподавателем специально занималась, вроде все свои гадости кубанские убрала, а все равно не то. И держитесь вы по-московски.

– Что значит – по-московски?

Очень ему нравилась ее пронизательность! Едва ли не так же, как ее красота.

– Ну, так... Никому ничего не доказываете, а просто делаете, что вам нужно. И сразу понимаете, как нужно. Вы же сами про это Аркашке говорили, помните?

И это она, оказывается, запомнила! Александр уже и забыл, что именно говорил этому ее Аркашке, а она – пожалуйста. Упоминание о ее любовнике было,

впрочем, ему неприятно. И проницательная Аннушка сразу об этом догадалась.

– Аркаша остался в прошлом, – сказала она. – Позавчера мы расстались. А вы что подумали?

– Ничего, – пожал плечами Александр. – Я об этом не думал.

– А вы, – Аннушкины глаза сердито блеснули, – подумали, что я тайком от основного любовника решила завести себе дополнительного. Нет, Саша. Вы интересный, и мне с вами приятно. Но прыгать на этом основании к вам в кровать я не собираюсь. Просто вы как-то вовремя позвонили. Я из Ниццы прилетела, с Аркашкой в Шереметьеве шампанского за расставание выпила и домой уже одна поехала. И от этого мне все-таки не по себе как-то было. А тут вы звоните, и я почувствовала, что...

– Я и раньше звонил, – перебил ее Александр. – У вас телефон не отвечал.

Ему не хотелось выслушивать подробности ее расставания с любовником. Он вообще терпеть не мог вот эту вот звенящую возвышенной грустью патетику, с которой женщины обожали поговорить о своих чувствах. Ну, рассталась с мужчиной. Так ведь не в монастырь же ушла. Будет же кто-то содержать красивую девушку, не сама же она собирается зарабатывать на скромную гламурную жизнь. Ну и нечего окружать этот естественный факт романтическим флером.

Впрочем, почему бы ей не поговорить о высоком? Что она, должна длинно сплунуть сквозь зубы и процедить: «Ищу нового мужика»?

– Телефон я в Москве забыла, – сказала Аннушка. – Потому на ваши звонки и не отвечала. Все, Саша, хватит об этом! – решительно заявила она. – Показывайте вашего льва.

Они прошли во вторую комнату, где среди других африканских трофеев расположился лев. В виде чучела он производил даже большее впечатление, чем там, на берегу озера, когда Александр застрелил его во время водопоя. Там поражал главным образом его раскатистый рык, при ближайшем же рассмотрении становилась видна свалявшаяся грива и грязноватая шкура. А теперь грива величественно обрамляла могучую голову, шкура шелковисто

блестела, и казалось очень правильным, что льва называют царем зверей.

Аннушка потрогала львиную лапу, провела одним пальцем по гриве и сказала:

– Эффектный. Только непонятно, зачем он.

– Вы так рациональны? – усмехнулся Александр.

И тут же пожалел о своей неуместной иронии. Он ведь и сам не очень понимал, зачем ему это чучело.

– Да, – отрубил Аннушка. – Я рациональна. И не чувствую к вам ничего, кроме легкого интереса.

Когда она сердилась, то становилась ничуть не менее привлекательной, чем когда смеялась. У нее было очень живое лицо, и даже от самой легкой перемены чувств оно играло чудесным разнообразием.

– Интерес – это мало? – спросил Александр.

– Для меня – мало. Во всяком случае, в данный период моей жизни.

Она произнесла это таким серьезным тоном, что Александр чуть не расхохотался. Слышать о периодах жизни от двадцатилетней девчонки было весело.

– Чего же вам хочется в данный период вашей жизни? – изо всех сил сохраняя на лице серьезное выражение, поинтересовался он.

– Мне хочется влюбиться.

«То есть квартира, машина и три шубы уже имеются, теперь можно себе позволить излишества, – подумал Александр. – Что ж, влюбляйся, милая, я готов!»

– Поедемте в ресторан, Аннушка, – сказал он. – Думаю, на льва вы уже насмотрелись.

– Не понимаю, Саша, вы циничны или парадоксальны?! – воскликнула она. – Или просто дурочкой меня считаете? Блондинкой из анекдота?

– С чего вы взяли? – он сделал честные глаза.

– С того, что, как только я начинаю говорить о чем-нибудь серьезном, вы сразу меняете тему.

– Просто я догадываюсь, чего вам захотелось, на полсекунды раньше, чем вы сами начинаете это сознавать, – объяснил Александр. – И ваши новые желания становятся новой темой нашего разговора.

Он мог бы объяснить еще, что желания ее так незамысловаты, что догадаться о них нетрудно, как бы она ни старалась предстать перед ним сложной натурой. Но зачем бы он стал это объяснять? Ему нравилось перебрасываться с нею этими прекрасными мячиками: когда слова говорят одно, а все, что есть у тебя внутри, совсем другое, и это другое так просто, так молодо, и ты счастлив оттого, что оно еще есть в тебе, оказывается.

Аннушка перестала хмуриться и улыбнулась.

– На вас трудно сердиться, – сказала она. – Мне в самом деле захотелось в ресторан. Только не в придорожный.

– Я понял, понял, – кивнул он. – Если потерпите час-другой, доберемся до устриц.

Ему не жаль было, что они с Аннушкой не добрались до очередной комнаты доморощенного хантинг-рума – до той, где стояла кровать. Он не чувствовал разочарования от так бездарно проведенного дня, наоборот, этот день восхищал его своим несовершенством, своей распахнутостью в будущее.

«До всего мы еще доберемся, – молодо звенело у него в груди, когда они шли к машине. – Все у меня с тобой еще впереди!»

Глава 5

Александр с первого дня решил, что головной офис его компании должен находиться в самом центре Москвы.

Не то чтобы он любил пускать пыль в глаза – просто считал правильным не скрывать определенные приметы своего успеха, которые были востребованы в том мире, в котором он благополучно существовал. Он знал, что большинство людей не только встречают по одежке, но по ней же, а вовсе не по уму, впоследствии и провожают. И хотя сам он старался общаться с теми, кто с ходу разбирается, где одежка, а где ум, но играть роль экстравагантного миллионера, который располагает офис в окраинном полуподвале и является на правительственный прием в рваных джинсах, Александр не стремился.

Да и любил он старый московский центр. Просто любил, и все. Однажды открыл окно своего кабинета и услышал, как из остановившегося внизу троллейбуса донеслось: «Следующая остановка – переулок Сивцев Вражек», – и сердце у него занялось таким счастьем, какого он не чувствовал от самой выгодной сделки.

Может, права была сестра Вера, когда говорила:

– Я-то гадаю, в кого у меня сын поэт. Так в дядю родного!

Поэтом Александр себя, конечно, не считал, но какая-то чудесная загадка в московской топонимике, безусловно, была, и он эту загадку чувствовал.

И, приходя каждый день на работу к себе на Арбатскую площадь, чувствовал, что приходит вот именно к себе, в свою вотчину.

Сегодня с утра он назначил совещание, на котором собирался принять окончательное решение о развитии своей компании на Дальнем Востоке. Он уже давно заказал аналитикам все необходимые материалы по ситуации в регионе, и съездил туда не раз, и завел там правильные связи, в том числе и во время медвежьей охоты. И вот теперь надо было определяться: двинутся ли они на Дальний Восток, и какими силами, и когда.

Корабли «Ломоносовского флота» давно уже ловили рыбу не только близ Мурманска, но и в Англии, и в Норвегии, и в Канаде, и в Марокко. Александр приглядывался уже и к Чили. А недавно вот загорелся Дальним Востоком и со всегдашним своим упорством стал исследовать это новое направление.

До совещания, назначенного на девять утра, он хотел переговорить с Пашей Герасимовым. Пашка только что вернулся из Владивостока, куда Александр отправлял его, чтобы тот разузнал, действительно ли будет продаваться компания, которую Александр намерен был купить. Компания была крепкая, с хорошими квотами на вылов краба. Но ходили осторожные слухи, что хозяин собирается ее продавать: вроде бы у него нелады со здоровьем.

Надо было выяснить, насколько эти слухи основательны. Именно Пашка был для такой быстрой миссии незаменим, и не только потому, что они дружили с детства и Александр знал, насколько тот надежен. Дело было еще и в том, что, не разбираясь в тонкостях человеческих отношений и не стремясь поэтому в них влезать, Пашка с ходу определял то, что было в людях главным, и уже исходя из этого с ними взаимодействовал.

Вообще обязанности Пашки в «Ломоносовском флоте» были обширны и, на посторонний взгляд, неопределенны. Он был и помощником Александра, и послом для особых поручений, и кем угодно еще. Единственное, на что он никогда не соглашался, это на руководство людьми.

– Не умею я этого, Саня, – объяснял он. – Кто захочет, на голову мне сядет, а я и повезу.

Впрочем, Александр не считал отсутствие начальнического таланта недостатком. У Пашки хватало других достоинств. А то, что связывало их всю жизнь, вообще зависело от чего-то другого, чем достоинства и недостатки.

Входя к себе в кабинет, Александр сказал секретарше, чтобы вызывала Герасимова, а сам, не садясь за стол, быстро просмотрел бумаги, разбрасывая их по степени важности. Он делал это машинально, лишь поверхностно вникая в их смысл – и потому, что секретарша у него была опытная и бумаги были уже рассортированы нужным образом, и потому, что мысли его витали далеко, не обращаясь к насущным делам.

Александр с удивлением понял, что, ожидая Пашку, вспоминает о своей первой встрече с ним. Это было очень странно – с чего бы вдруг? И тут же он догадался, что вспоминает даже не о самой встрече, а о том времени, когда она случилась. Он умел мгновенно анализировать и внешние ситуации, и собственные мысли, выявляя в них причинно-следственную связь, поэтому быстро понял, откуда эти мысли пришли и почему.

Это были мысли о молодости. И явились они из-за Аннушки. Сейчас, когда он видел ее не прямым, а мысленным взглядом, то понимал, что было главным в их вчерашней встрече, что зацепило его сознание. Это были ее слова: «Я хочу влюбиться». В ту минуту, когда она их произнесла, они не вызвали у Александра ничего, кроме снисходительной усмешки. А сейчас он вдруг почувствовал: в нем есть все для того, чтобы она его любила, и ему хочется, чтобы она его любила.

Это чувство было таким давним, таким забытым, что сначала даже показалось ему новым, неизвестным. Но потом он все-таки понял: просто оно было тесно сплетено с молодостью, это чувство. Эта жаркая, горячая потребность того, чтобы его любили, сама была молодостью, а значит, была Аннушкой.

Александр сел за стол, взъерошил волосы на затылке – осталась мальчишеская привычка ерошить их в минуты волнения. Когда-то мама за это ругала, потому что такие минуты случались в его жизни постоянно, и постоянно он ходил из-за этого растрепанный.

А тот год, когда он познакомился с Пашкой, весь состоял из таких минут.

Сашка приехал в Колу позже всех, кто собирался участвовать в весенних соревнованиях байдарочников. Колой этот городок назывался по реке: он стоял в самом устье, там, где она впадала в Кольский залив. Но в городке Сашка пробыл недолго, даже не успел его толком рассмотреть, потому что поехал к месту соревнований, которые проводились за городом, где речка Кола изобиловала порогами.

Он впервые ехал один так далеко – сначала поездом от Москвы до Мурманска, потом автобусом до Колы, теперь вот совсем уж маленьким, раздолбанным рейсовым автобусом дальше, к редким приречным селам. Плавать на байдарках прежде приходилось только на узеньких подмосковных речках, и все эти заплывы казались какими-то тренировочными. А тут – все по-настоящему!

Мама, конечно, боялась его отпускать, тем более что из-за экзаменов за девятый класс, которые ему ни за что не соглашались перенести, ехать пришлось отдельно от общей группы. Но отец сказал, чтобы мама не волновалась, и она тут же успокоилась. Не смирилась, а вот именно успокоилась. Мама верила каждому слову отца. И Сашка тоже.

Он ехал и радовался своему одиночеству так, как – он этого, конечно, еще не понимал – может радоваться ему только счастливый человек и только в ранней юности, когда одиночество означает не тоску или оставленность, а лишь свободу для будущего.

Сашке было известно, до какого села он должен доехать, а дальше следовало расспросить кого-нибудь из местных, где находится лагерь байдарочников.

Он и вышел из автобуса в этом селе, точнее, в некотором отдалении от него; деревенские дома едва виднелись в стороне от дороги, в быстро густеющих северных сумерках.

Сашка спрыгнул с автобусной подножки и огляделся. Под ржавым козырьком остановки сидела на щербатой лавочке компания из пяти парней. На вид они были его ровесниками, лет по пятнадцать.

Автобус зашипел дверцами и, дребезжа, потащился дальше. Парни молча разглядывали приезжего, и даже не столько его самого, сколько его новенький, со множеством карманов рюкзак.

Сашка был не из тех, кого принято называть уличными пацанами. Мама следила за тем, чтобы он не бегал где-то с утра до ночи, а уделял время книжкам, да он и сам любил читать. Впрочем, попытка отдать Сашеньку в музыкальную школу вместе с Верочкой встретила решительный с его стороны отпор, несмотря на то что преподаватели в один голос называли его слух чуть ли не абсолютным. Но, в общем, увлекательное занятие под названием «гонять собак» отнимало не все его время. Однако он обладал быстрым и точным умом, так что и этого времени ему хватило, чтобы к пятнадцати годам отлично разбираться в особенностях не скованных условностями человеческих отношений.

С первого же взгляда на хмурых пацанов Сашка понял, что по-доброму он с ними вряд ли разойдется. Но не убежать же было от них! Тем более что и спросить о

расположении лагеря, кроме них, было не у кого.

- Привет, - сказал он.

- Здорово, - ответил только один мальчишка, рыжий и лохматый.

Остальные сделали вид, будто приветствие обращено не к ним.

Ну да не очень были нужны их приветы.

- Где тут у вас байдарочники лагерем стоят? - спросил Сашка.

Пацаны молчали.

- Вон там, - наконец махнул рукой рыжий. - Километра три.

- Спасибо, - сказал Сашка и, не прощаясь, пошел по дороге.

Он спиной чувствовал вонзившиеся ему в спину взгляды, и расслабляться под этими взглядами явно не стоило.

Конечно, он не ошибся. Пацаны догнали его сразу, как только он скрылся за поворотом дороги. Сашка успел резко обернуться за секунду до того, как один из них, самый высокий - впрочем, не выше, а даже ниже Сашки, - успел сбить его с ног коротким тычком в спину.

Кулак долговязого попал в пустоту. Кричать что-нибудь возмущенное, вроде: «Пятеро на одного, да?!» - не имело смысла. Тем более что их было уже не пятеро, а четверо: рыжий куда-то исчез.

- Давай мешок! - отрывисто, зло бросил долговязый.

Вместо ответа Сашка двинул его кулаком в ухо. Ну, не объяснять же, в самом деле, почему он не собирается отдавать им рюкзак и вообще выполнять их требования.

Через пять минут драка была в разгаре. Хоть Сашка был не по годам высок ростом и широк в плечах – казалось плавание на байдарках, да и просто плавание, которым он занимался с первого класса, – но против четырех деревенских парней ему было, конечно, не выстоять. Они все-таки сбили его с ног и набросились все вместе. От чьего-то сильного удара огнем загорелась скула и потемнело в глазах.

– Э, ты че?! – сквозь звон в ушах вдруг услышал Сашка. – Ты за этого фраера, че ли, да?!

Он не столько увидел, сколько догадался, что парни отвлеклись от него, и тут же вскочил на ноги, хотя минуту назад ему казалось, что он вот-вот потеряет сознание. Голова гудела, но он уже не обращал на это внимания.

Парни отвлеклись от него только потому, что набросились на рыжего. Пожалуй, даже с большим остервенением, чем только что на Сашку.

– На своих... за этого... гада... да?! – наперебой орали они.

Рыжая голова мелькала между их кулаками. Не раздумывая, Сашка бросился в гущу драки.

Вдвоем против четверых – это уже было полегче. Тем более что рыжий оказался крепким парнем, да и Сашкины силы от поддержки удвоились. Но перевес с их стороны все-таки не был решающим, и не похоже было, что победа дастся легко.

– Эт-то что тут такое?! – вдруг прогремело у них над головами.

Голос был такой грозный, что местные, как воробьи, порскнули в разные стороны. Сашка и рыжий остались одни в кипящем кругу только что бурлившей драки. Перед ними стоял мужчина лет сорока и смотрел суровым взглядом.

– Кто такие? – рявкнул он. – Что здесь делаете?

– Ломоносов, – тяжело дыша, сказал Сашка. – Александр Ломоносов. Я на соревнования байдарочников приехал.

– О! – обрадовался мужчина. – Так это я тебя, значит, к автобусу встречать иду? – И тут же сделал еще более суровое лицо. – Хорош спортсмен! Не успел до лагеря добраться, уже в драку влез.

– Это не он, дядь, – вступил в разговор рыжий. – Это его... ну... его в драку влезли.

Изъяснялся рыжий коряво, но смотрел при этом прямо. И чувство, которое выражал взгляд его больших миндалевидных глаз, тоже было прямым.

– Его в драку влезли? – усмехнулся мужчина. – Ладно, разберемся. Пошли в лагерь. Меня зовут Анатолий Степанович, – представился он. – Отвечаю за вас, гавриков. Чтобы вас в драку не влезали.

Сашка взял рюкзак и собрался уж было идти за Анатолием Степановичем. Но оглянулся и увидел, что рыжий стоит на месте.

– Ты что? – сказал Сашка. – Пошли.

– Да я-то чего пойду? – уныло шмыгнув носом тот. – Я ж не ваш...

– Наш, наш, – махнул рукой Александр. – Все равно же тебе к ним возвращаться нельзя, – пронизательно добавил он.

– Это да, – кивнул рыжий. – Переждать бы надо. Пашка меня зовут.

Рыжий пошел рядом по тропинке. Деревья здесь, на Севере, были карликовые, и шум их маленьких веток не нарушал тишины.

– Слушай, – спросил Сашка, – а с чего ты вдруг за меня драться полез? Они же тебе свои.

– И что с того, что свои? – пожал плечами Пашка. – Все равно не по справедливости это.

Он не возмущался, ничего не доказывал. Просто смотрел этим своим прямым, спокойным взглядом, в котором выражалось только одно чувство – то же самое,

которое он называл словами, неважно, отчетливыми или корявыми. И эта прямота, эта простота и ясность чувств и мыслей была в нем главной, составляла самую его сущность.

- Ты на байдарке умеешь плавать? – спросил Сашка.

- На лодке могу. На байдарке не пробовал.

- Ничего, мы на неделю сюда. Научишься.

- А не попрут меня с вашего лагеря? – опасливо поинтересовался Пашка. – Жратвы-то на меня не приготовлено.

- Не попрут, – уверенно ответил Сашка. – Договоримся как-нибудь. И едой поделимся.

Глава 6

Пашка освоился в байдарочном лагере так быстро, как будто не прибился к нему случайно, а всю жизнь здесь провел. Уже к вечеру он командовал приготовлением ужина на костре – мало кто из городских ребят имел представление о том, как это делается, – и покрикивал на дежурного, который чуть не превратил кашу в уголи. В соревнованиях он, конечно, не участвовал, потому что не был на них заявлен, но во всех остальных делах участвовал самым активным образом.

Однажды Сашка вспомнил:

- А дома-то не сказал ты, куда идешь. Родители тебя, может, уже с милицией ищут.

- Не ищут, – помолчав, нехотя ответил Пашка. – Отец с женкой пьющие. Навряд и заметили, что меня нету. А мать три года как померла, – предупредил он Сашкин вопрос.

Больше они о Пашкиной внелагерной жизни не говорили. Да они и вообще не были излишне разговорчивы, Пашка в силу деревенского воспитания, а Сашка просто по наследственному, от отца, характеру.

– Обжился ты у нас, Сань, – заметил как-то Пашка. – Глянешь на тебя – и вроде не приезжий ты. И не скажешь, что с самой Москвы.

Это было вечером, в день последних соревнований. Неделя подходила к концу, и не верилось, что скоро всего этого не будет. Этих маленьких корявых деревьев, всей этой неяркой, но почему-то за душу берущей природы...

– У меня отец отсюда родом, – ответил Сашка. – С Белого моря. Деревня Колежма. А в Мурманск он на рыбный промысел ходил. Даже младше меня тогда был.

– То-то гляжу, лицо у тебя такое! – воскликнул Пашка. – Поморское лицо, и смотришь так...

– Как? – заинтересовался Сашка.

– Ну, по-ихнему так, по-поморски. Вот я, например, саам, мы совсем не так смотрим. Ну, народ такой местный, саамы. Лопарями нас еще зовут. А в сказках, я читал, лапландцами. Слышал, может?

Про лапландцев Сашка тоже читал – в «Снежной королеве». Он вспомнил, как Герде помогали добраться до Кая через северные края лапландка и финка. Оказывается, лапландцы действительно существуют, не Андерсен их выдумал.

– Никто нас не выдумал, – в ответ на его вопрос объяснил Пашка. – Тут у нас на Кольском разные есть. И поморы тоже. То-то я сразу заметил, что ты на помора похож. Высоченный какой, и вид у тебя суровый. – И тут же он подмигнул: – На Наташку только иначе глядишь. Глаза так искры и мечут.

Наблюдательность его не подвела. Наташа Горяинова в самом деле вызывала в Сашкиной душе целую бурю чувств, и искры, которые заметил Пашка, были лишь слабым отсветом этой бури.

Наташа приехала на соревнования из Иркутска. Она была настоящая сибирячка – крепкая, ловкая, высокая, с румяным, словно от постоянного мороза, скуластым лицом. Но, вопреки всякой очевидности, Сашка ловил себя на том, что Наташа кажется ему маленькой и хрупкой. И дело было даже не в том, что он был все-таки выше ее ростом.

Дело было в какой-то очень глубокой, неназываемой сути, которая у Наташи была совсем другая, чем у него. И эта суть, эта ее хрупкая, вопреки внешности, природа притягивала его к себе невероятно.

– Раз такое дело, что отец помор у тебя, – сказал Пашка, – так тебе, наверно, интересно будет...

– Что? – не понял Сашка.

– Покажу тебе кой-что, – с загадочным видом пообещал Пашка. – Затемно завтра встанешь?

– Ну, встану, – пожал плечами Сашка.

– Наталью с собой бери, – великодушно разрешил Пашка. – Ей тоже понравится.

Они вышли из лагеря даже не утром, а ночью. Звезды еще не начали таять, и небо было не по-утреннему глубоким. Весенняя свежесть обновляющегося мира, которая и днем чувствовалась здесь, у реки, очень ясно, теперь была главной в природе.

Наташа шла неохотно – то и дело зевала, не успевала за Сашкиными широкими шагами, и вид у нее был такой, словно она делает ему огромное одолжение, соглашаясь тащиться куда-то в несусветную рань. Может, она и в самом деле так думала, но Сашке все же казалось, что она притворяется, а на самом деле очень даже рада, что он предложил ей пойти с ним вместе. И ему было легко идти оттого, что она идет рядом.

Пашка вел их с уверенностью, обещавшей какую-то очень необычную цель. Но о самой этой цели молчал, как партизан. Впрочем, Сашка особо и не расспрашивал. Ему нравилось идти в предутреннем молчании, вдыхать,

раздувая ноздри, запахи земли и воды, слышать дыхание идущей рядом девчонки... Видно, почувствовав его душевный подъем, Наташка перестала отставать и шла теперь рядом с ним упругой, как у красивой лесной кошки, походкой.

- Тихо! - вдруг предупредил Пашка, хотя и так все шли в молчании. - Ну, вот она. Сань, гляди.

Сашка не сразу понял, на что он должен смотреть, выйдя из-за речной излучины. Разве что на солнце, которое ярким утренним шаром медленно взлетало над низкорослыми кустами. Оно и правда притягивало к себе взгляд, оно словно бы разбрасывало по земле россыпь сияющей росы, и при виде обновляемого им мира хотелось набрать полную грудь особенного утреннего воздуха.

Но Пашка указывал не на солнце. Проследив за его взглядом, Сашка едва сдержал изумленный возглас.

Ему показалось, что река перед ним кипит. Не бурлит даже, а вот именно кипит - таким мощным, таким необычным было движение, из которого вся она состояла. Присмотревшись, он увидел, что на самом деле она состоит из блестящих рыбьих спин.

- Ой, какие... - восхищенно прошептала Наташа. - Это кто?

- Семга на нерест идет, - сказал Пашка. - Царь-рыба!

Точнее и правильнее назвать эту рыбу было невозможно. Она была царственна каждым движением своего мощного тела, она была так гармонична, что непонятно было: как же река существовала без нее?

Сашка почувствовал, что восторг, который и так уже переполнял его из-за сияющего рассвета, становится таким сильным, что вот-вот хлынет у него горлом. Он оглянулся почти растерянно. Наташины чуть раскосые глаза радостно сверкнули навстречу его взгляду.

- Наташа... - с трудом проговорил он, с удивлением слыша, каким хриплым вдруг стал его голос. - Наташа, я...

– Пойду острогу налажу, – как-то очень быстро пробормотал Пашка. – Рыбы набьем – во!

Пашка скрылся в прибрежных кустах. Наташа смотрела на Сашку сверкающими, как рассвет, глазами.

Он взял ее за руку, чуть потянул к себе. Она подалась легко, словно только этого и ждала. Ее плечи, когда Сашка обнял их, показались ему такими нежными и беспомощными, каких просто не бывает на свете. Они не могли быть такими – она ведь и на байдарке ходила, и плавала не хуже других девчонок, да и парней тоже. Но сейчас, в этом сияющем мире, у бурлящей жизнью реки, она была нежна, как мотылек.

Но не только нежной она была, а невероятно, бешено желанной. Сжимая ее плечи, Сашка почувствовал себя не человеком даже, а огромной рыбой – такой, какие мелькали в реке сильными телами.

Все связанное с девчонками не было для него совсем уж неизвестной стороной жизни. То есть это раньше он думал, что ему уже многое о них известно. Когда обнимался с ними под видом медленных танцев на школьных дискотеках. Когда целовался после этих танцев, от нетерпения не успевая даже отойти подальше от школьного крыльца.

И только теперь он понял, что все это было не то. Только теперь, когда какая-то внешняя сила сжала и голову его, и горло, и грудь, будто стальным обручем. Когда Наташины глаза – она почему-то не закрывала их ни во время поцелуя, ни потом, – прожгли его, как раскаленные гвозди. Когда все у него внутри загорелось таким огнем, что он и сам боялся прожечь ее собою.

Он сгорал от этого огня, но руки его при этом жили отдельной, какой-то очень точной жизнью. И губы ею жили, и колени, которыми он раздвигал Наташины ноги, когда они упали вдвоем за прибрежный куст, на молодую весеннюю траву.

Наташа не то чтобы сопротивлялась – она просто не знала, что ей делать. Сашка почувствовал это и сам расстегнул «молнию» ее куртки, и пуговицы ее рубашки, и потянул вверх ее лифчик, и раздел ее всю... Он никогда ничего подобного не делал и успел мгновенно подумать, что со стороны это показалось бы ему грубым. Но когда все его действия определялись не чем-то сторонним, а тем, что

мощным потоком шло у него изнутри, они не были грубыми, это он знал точно. И не знал даже, а чувствовал всем собою.

И Наташа, наверное, почувствовала это тоже. Она обняла Сашку за шею и подалась вверх, к нему, словно магнитом притянулась. И через минуту вскрикнула, закусила губу – наверное, от боли. Но Сашку, хотя он меньше всего хотел бы причинить ей боль, было уже не остановить ни вскриком, ни... Ничем его было не остановить!

Оба они были неопытны, у обоих все это происходило впервые. Но то, что в них обоих было, что бросило их друг к другу, то, чего они оба не сознавали, – это было сильнее опыта.

Это была их молодость, та великая сила, которая может позволить себя не сознавать.

Сашка понимал – если можно было назвать пониманием то, что происходило с ним в эти минуты, – что ничего подобного он в жизни не испытывал. Это было даже не чувство – то, что с ним сейчас происходило, – это было ни с чем не сравнимое соединение всех его сил в одну могучую силу. Весь он превратился в звенящий, пульсирующий сгусток энергии, и эта энергия была равно прекрасна и для него, и для девушки, которую она к себе притянула.

Хотя что чувствовала Наташа, он на самом деле не знал. Да если бы и знал, все равно едва ли делал бы все иначе, чем делал теперь, в этом своем незнании. Сила, которая определяла все его действия, не подчинялась таким вещам, как знание или разум.

А когда этот сгусток энергии взорвался в нем, как ядро, причиняя своими осколками боль, он почувствовал такое счастье, что готов был терпеть эту боль хоть всю жизнь.

Но взрыв не мог длиться всю жизнь. Он кончился, как – Сашка впервые это понял – кончается в жизни все.

Дрожа от мгновенно охватившей его слабости, переполненный восторгом и покоем, Сашка упал на спину и притянул к себе Наташу. Он только теперь разглядел ее – все время, пока длилось их соединенье, она находилась где-то в

слепом пятне его сознания.

Вид у нее был испуганный и счастливый, и непонятно было, чего в ней сейчас больше, счастья или испуга. Сашка же чувствовал, как постепенно возвращается в свои берега. И в них, в этих берегах, его переполняли восторг и нежность к этой девочке, которая так неожиданно и так прекрасно слилась в его сознании с сияющим весенним утром, и с бурлящей жизнью рекою, и с победным серебром мощных рыбьих тел...

- Наташка... - с трудом шевеля губами, выговорил он. - Наташенька...

Она молчала. Может, от растерянности, а может, ждала от него чего-то. Чего она ждет, Сашка не знал. Ему казалось, с ним уже произошло самое прекрасное, что может произойти с человеком.

Он поцеловал Наташу и счастливо засмеялся. И тут же спохватился: вдруг Пашка услышит?

Впрочем, Пашки ни видно не было, ни слышно.

- Пойдем, а? - сказал Сашка, поднимаясь с земли. - Пойдем рыбу посмотрим.

Наташа встала тоже, отряхнула кофточку.

- А ты меня что, совсем не любишь? - вдруг спросила она. - Ты со мной просто так, да?

В голосе ее зазвенели слезы. Сашка растерялся.

- Как это я тебя не люблю? - удивленно проговорил он. - Почему?

Ему казалось, все, что только что между ними произошло, было сплошной любовью. И почему же она вдруг?..

- Но ты же молчишь, - с неутраченными слезами ответила Наташа. - Ничего мне не говоришь. Значит, не любишь.

«Они какие-то совсем другие, – подумал Сашка. – Все по-другому понимают».

Но эта мысль не испугала его и даже не очень удивила. Он принял ее так же просто, как жизнь.

– Я тебя люблю, – твердо сказал он и, наклонившись, снова поцеловал Наташу в обиженно сжатые губы. Губы сразу же приоткрылись под его поцелуем, стали мягкими и доверчивыми. – Я тебя, Наташ, очень сильно люблю. Пойдем рыбу смотреть!

Она улыбнулась, засмеялась и чуть не вприпрыжку побежала рядом с ним к реке.

Пашка был уже там. Он бродил по отмели и бил самодельной острогой прямо в воду. В ту минуту, когда Сашка с Наташей его увидели, он как раз попал в рыбу.

– Видали?! – Пашка обеими руками поднял острогу, на которой билась огромная семга. – Во какая! Их тут таких до фига и больше!

Все-таки Пашка отличался каким-то особенным тактом. Любой деревенский пацан на его месте отпустил бы какую-нибудь сальную шуточку, или похлопал Сашку по плечу, или хоть подмигнул бы и понимающе хмыкнул. Вообще-то Пашка относился к девчонкам без лишних антимоний, попросту. Но друга, идущего с девушкой к реке из кустов, он встретил так, словно тот ходил за ветками для костра, что ли.

Уже через минуту Сашка тоже бродил по отмели с острогой, которую ему великодушно отдал Пашка. Рыбы было так много, что если она и боялась ловцов, то ей просто некуда было от них деваться. Она была по коленям твердыми головами, плескала хвостами прямо у ног, разрезала воду вокруг темно-серебряными спинами.

Сашка бил в воду острогой, вытаскивал и выбрасывал на берег крупные рыбы тела и чувствовал огромное, до горла заполняющее счастье. Оно было едино в нем, это счастье, и вместе с тем Сашка сознавал, из чего оно состоит. Из россыпи солнечной росы на траве, из взгляда Наташи, из ее объятий, которые до сих пор звенели в его теле, из ее мокрых прикосновений – она ходила по отмели рядом с ним, и он время от времени отдавал ей острогу, и руки их при этом

смыкались, и смех охватывал обоих...

Все это было одно: девушка, река, царь-рыба, солнце, молодость!

- Доброе утро, Сань. - Пашка стоял в дверях кабинета. - Ну что, докладываю...

- Да ладно, Паш, - улыбаясь, наверное, какой-то блаженной улыбкой, сказал Александр. - На совещании доложишь.

- Ты ж сам хотел, чтобы я заранее доложился, - удивился Пашка. - Чтобы решить, идем мы на Дальний Восток или нет. В смысле, осилим ли.

- Идем, - сказал Александр. - Все мы осилим.

Пашка присмотрелся к лицу своего друга и начальника и, весело покрутив головой, сказал:

- Лихой ты мужик, Александр Игнатьич.

- Выпьем, Паш, - сказал Александр.

- С утра? - снова удивился Пашка. - Не похоже на тебя.

- По рюмке. За успех.

- Я и говорю, лихой, - усмехнулся Пашка. - Все говорят, рисковый, а на самом деле нет. Рисковые за успех не пьют. Боятся.

В кабинете, кроме основной, была еще одна, сливающаяся со стеновыми панелями дверь. Она вела в помещение, которое в кабинетах всех больших начальников называлось комнатой отдыха. Когда Александр покупал офис у разорившейся государственной конторы с непроизносимым названием, эта комната здесь уже была.

Он открыл бар, достал бутылку коньяку, подцепил два бокала-тюльпанчика. И, держа все это на отлете, набрал телефонный номер. Когда ему ответили, он

почувствовал, как его заливают волна восторга. Такая же – ну, почти такая же, – как в тот весенний день, о котором он только что вспоминал.

– Аннушка, – сказал Александр, – соскучился я. Когда мы увидимся?

Глава 7

Александр встречался с Аннушкой уже три месяца, а отношения их до сих пор оставались такими, что у всякого нормального мужчины они должны были бы вызвать по меньшей мере недоумение.

Правда, их встречи происходили все-таки с перерывами, и даже довольно длительными: за эти три месяца Александр несколько раз летал то на Дальний Восток, то на Канары – в Лас-Пальмасе находилась крупнейшая в Атлантике база, на которой были и его корабли.

И все-таки неокончателность, какая-то недоговоренность отношений, которые установились у него с Аннушкой, выглядела странно.

Попросту, по-мужицки говоря, она до сих пор ему не дала. То есть, может, если бы он был в этом смысле понастойчивее, никуда она не делась бы – встречалась же с ним, не отказывалась, значит, выполнила бы все условия таких встреч.

Но ему не хотелось, чтобы она выполняла условия, вот в чем было дело! Ему хотелось, чтобы она была с ним потому, что не могла быть без него. А этого никак не получалось, и Александр чувствовал досаду – не на Аннушку, а на себя.

До сих пор его отношения с женщинами строились гораздо проще. Если они были красивы, неглупы, покладисты, но не слишком поспешны в ответ на его притязания, – он их не обижал, и они бывали им довольны. И это никогда не зависело от возраста женщин, с которыми у него возникали более или менее длительные романы. Обычно им бывало около тридцати, но попадались среди них и совсем молоденькие, как Аннушка. И задора в тех прежних женщинах было не меньше, чем в ней, и перчинка в них была – ему неинтересны были женщины без перчинки...

И что же вдруг произошло такое, отчего Аннушка заняла в его жизни какое-то особенное положение?

Ему хотелось, чтобы она его любила. Он ничего не мог поделать с этим своим желанием. И не знал, как его осуществить.

Воскресенья были для Александра нелюбимыми днями недели.

Работать по воскресеньям было невозможно: он ведь не философом был и не писателем, чтобы трудиться самостоятельно, никого к этому не привлекая. А заставлять подчиненных выходить на работу в выходные – до такого самодурства а-ля Сталин он не опускался.

Так что воскресенья приходилось проводить дома, и это загодя вызывало у него тягучую скуку.

Если бы его семейная жизнь была неустроенной, безалаберной, даже скандальной, ему было бы проще: он легко находил бы причины вообще не показываться дома в выходные. Но у него была заботливая жена, его любили дети, и он их любил, а значит, деваться было некуда.

В это воскресенье Александр проснулся от запаха оладий с яблоками. Даже и не проснулся еще, а почувствовал этот запах прямо во сне. Он был таким густым, таким домашним, так отчетливо вызывал в памяти ощущение полного, ничем не замутненного счастья, что Александр чуть не рассмеялся.

И проснулся.

Оладьями действительно пахло. Наверное, Юля уже напекла их целую горку и поставила на стол, иначе запаха не было бы: вытяжка-то над плитой работала исправно. Александр осознал все это сразу же, как только открыл глаза. И ощущение счастья тоже ушло сразу. А почему? Он не понимал.

Он встал, прошел в ванную, дверь в которую вела прямо из спальни.

Спальня у них с Юлей до сих пор была одна, хотя Александр предпочел бы спать отдельно. Но жена настаивала на общей постели – считала, что без этого и

семья не семья, а скорее всего, просто повторяла тот уклад, который существовал в доме ее родителей и который она хотела в точности воспроизвести в собственном доме. Это ее желание было Александру понятно, он тоже мечтал бы о том, чтобы в его взрослом доме был тот уклад, который он помнил с детства. Но, в отличие от Юли, он точно знал, что это невозможно.

В общем, Александр вынужден был спать с женой в одной постели. Впрочем, в этом были и положительные стороны. В сорок лет Юля сохранила тот же темперамент, что и в молодости, то есть была не слишком требовательной к мужу, но и не вялой. Так что регулярный супружеский секс позволял Александру правильно вести себя с женщинами – без спешки, без явного вождения, – а потому и добиваться у них успеха.

В кухню он пришел уже освеженный холодным душем, и настроение у него было ровное.

Оладьи действительно высились на блюде аппетитной желто-коричневой горкой. У стола стояла Дашка и поедала оладью, держа ее двумя пальцами на весу. Дашка была так похожа на маму, на его маму, что Александру на минуту почудилось, будто дочка оказалась в этом доме случайно.

– Сколько можно повторять: сядь, положи на тарелку, поешь по-человечески! – еще не видя мужа, выговаривала дочери Юля. – Повадилась куски хватать.

– Я вше равно только две штушки шьем, – с полным ртом отвечала Дашка. – У меня диета.

– Скажу отцу, он тебе покажет диету! – пригрозила Юля.

– И ничего не покажет! – засмеялась Дашка. – Доброе утро, па. Ну, я побежала.

Она на ходу чмокнула отца в щеку и исчезла из кухни прежде, чем он успел поцеловать ее в ответ.

Если бы Александр вздумал рассказать кому-нибудь, как проходит его воскресное утро, это был бы рассказ о самой настоящей идиллии. И даже дочкино торопливое исчезновение вполне в эту идиллию вписывалось: что ж,

дети растут, и взрослым остается только вздохнуть да умиляться их взрослению.

Но не в пересказе, а по-настоящему, в душе, Александр ничего идиллического не чувствовал. И не понимал, почему это так. Сказать, что его тяготил быт, – нет, ничего подобного. В конце концов, быт теперь был налажен так удобно, что тяготить не мог в принципе. И мама ведь так же, как теперь жена, вечно была занята чем-нибудь по дому, и это не казалось ему скучным, хотя тогда он был мальчишкой и скука по отношению к обыденности была бы для него более естественной, чем теперь.

Но от тогдашнего простого жизненного уклада скуки почему-то не было. А от нынешнего – была.

– Заспался ты сегодня, – сказала Юля. – Садись, пока оладьи горячие.

Она всегда готовила какую-нибудь простую еду: гречневую кашу, мясо с картошкой, борщ или вот оладьи. Это было, безусловно, хорошо. Когда-то, в период его короткого жениховства, в числе лучших качеств невесты числилось именно это: умение вкусно, по-домашнему готовить. Это и теперь можно было считать лучшим Юлиным качеством.

И почему оладьи, которые Александр нехотя жевал, поливая свежим малиновым вареньем, казались ему безвкусными?

– Может, съездим сегодня в агентство? – спросила Юля, садясь напротив мужа за стол.

– В какое агентство? – удивился он.

– Ну я же тебе говорила. Которое недвижимость в Турции продает.

Юля всегда сообщала о своих желаниях сразу, без обиняков, без той ласковой вкрадчивости, с которой неработающие жены обычно выманивают у мужей дорогостоящие блага, в которых сами мужья необходимости не испытывают. Она хотела дом в Турции и говорила об этом прямо.

– Ну, а я зачем там нужен, в этом агентстве? – вздохнул Александр.

– А вдруг меня обманут? Дом все-таки немаленьких денег стоит. Хоть я и подешевле высмотрела.

Александр не был ни расточителен, ни чрезмерно бережлив, но при мысли о том, что придется тащиться в агентство и обсуждать покупку какого-то совершенно ему ненужного дома, у него даже зубы заныли.

– Я сегодня к Вере обещал зайти, – быстро сказал он. – У нее какие-то проблемы, лестница из эркера проваливается, что ли. Надо посмотреть, что там и как.

С лестницей из эркера никаких проблем не было. Когда-то папа сам сделал эту лесенку в сад, а он понимал толк в инженерных расчетах, и с тех пор даже ремонтировать ничего не пришлось.

– Вечно у нее какие-то проблемы, – поморщилась Юля. – А ты беги, решай!

Это было несправедливо. Вера была не из тех женщин, которые склонны перекладывать свои проблемы на кого бы то ни было, хотя бы и на самых близких людей. Александр даже хотел бы, чтобы сестра почаще обращалась к нему хоть за какой-нибудь помощью. Он любил ее, и это было бы ему приятно. Но Вера решала свои проблемы сама, притом с такой ранней юности, когда другие девчонки даже не догадывались о существовании в жизни проблем.

Так что Юля морщилась лишь потому, что не любила его сестру и, по своему обыкновению, не считала нужным это скрывать. Вообще-то Александра не слишком это угнетало. Сестра и жена были так несхожи, что их трудно было представить слившимися в сентиментальном родственном объятии.

– Я пообещал, – твердо сказал он.

Теперь ему казалось, что он действительно пообещал сестре зайти. Почему бы и нет, кстати? В самом деле, давно ведь не был.

Подумав так, он сразу повеселел. Выходной день, представлявшийся вязким и расплывчатым, как тесто для оладий, приобретал живые очертания.

– А ты сходи туда сама, – примирительным тоном сказал он Юле. – Ну, в агентство это. – И, смягчая свой отказ улыбкой, добавил: – Ты же толковая, кто тебя обманет? Если что не так, позвони, я подъеду.

Он знал, что Юля вряд ли станет ему звонить. Она действительно была толкова в любых практических делах, и дом этот она хотела, и решение его купить вызрело у нее давно. Все это было гарантией того, что вмешательство мужа не понадобится.

А что ему этот дом совершенно не нужен – что ж, мало ли в его жизни ненужных, но зачем-то приобретенных вещей. Дом у моря еще не самое худшее. Может, дети когда-нибудь поедут, подышат морским воздухом.

Когда-то Александр хотел, чтобы Динька ездил с ним на Баренцево море. Ему казалось, нигде нет воздуха лучше, чем там, – соленого, свежего до ломоты в костях, до восторга, распирающего грудь... Но Денису неинтересно было ездить на море, в котором нельзя купаться, а таких отвлеченных вещей, как соленый восторг, он не понимал.

Только уже подъезжая к дому на углу Хорошевского шоссе и Беговой, Александр сообразил, что надо было предупредить сестру о своем появлении. Вообще-то у него были ключи от ее, то есть от родительской, квартиры, и если бы Веры не оказалось дома, он мог бы ее подождать. Но ведь она могла быть дома не одна...

Верина личная жизнь вызывала у Александра горечь с тех самых пор, как она вообще началась, то есть с семнадцати лет. Они с сестрой были двойняшками, и от этого горечь только усиливалась: Александр чувствовал все, что происходило у нее в душе, даже лучше, чем происходящее в душе у него самого. В конце концов, он был мужчиной, и что уж такого особенно тонкого могло быть у него в душе? А Вера... Вера была не просто женщиной, а женщиной особенной; за все свои сорок три года Александр таких не встречал.

Она была дома, и была одна. Зря он надеялся, что после расставания с Кириллом у нее наконец кто-то появился.

Кирилл, с которым Вера провела вместе год, был из тех мужчин, о которых может лишь мечтать любая женщина. Он был не только богат – владел сетью пятизвездных отелей, – но и, главное, великодушен, не мелочен, как того можно

было бы ожидать от холостяка, разменявшего пятый десяток.

Как ни странно, все эти замечательные качества Вериного любовника почему-то раздражали Александра. Ну, водит ее в рестораны и в консерваторию, возит в Париж, дарит бриллианты. Даже машину вон подарил. Ну и что? Пусть бы поискал в свои немаленькие, а значит, разборчивые годы такую, которой захотелось бы что-нибудь подарить, с которой захотелось бы поехать в Париж и которая сама захотела бы пойти в консерваторию!

А машину Александр и сам ей тысячу раз предлагал, но она вечно отговаривалась тем, что не хочет терять время в пробках.

Когда, расставшись с Кириллом, Вера не выказала по этому поводу горя, Александр втайне даже радовался. Точнее, он гордился сестрой, как гордился ею всегда. Почему они расстались, он не знал, но Вере совершенно незачем было убиваться из-за того, что, выражаясь старинным языком, она упустила хорошую партию!

Она и не убивалась. Она была одна, и была несчастлива, и с этим ничего нельзя было поделать.

Дом, в который Ломоносовы переехали через два года после рождения Веры и Сашки, был необычным. Его построили после войны пленные немцы, и почти неуловимый немецкий дух придавал ему какую-то трогательную основательность. Второй этаж напоминал мезонин, а в квартирах первого этажа вместо окон были сделаны эркеры. Вечерами они светились, как фонарики в сказках братьев Гримм, и сам дом казался поэтому сказочным.

В доме было всего четыре квартиры, под окнами которых был разбит маленький сквер с фонтаном. Вокруг фонтана росли деревья – дуб, клен, вяз, ясень. Когда-то из всего класса только Вера и Сашка знали, как выглядит ясень. Еще они умели определять время по солнечным часам, потому что фонтан как раз и был солнечными часами: тень от центрального столба, из которого била вода, ложилась на круглую чашу в точном соответствии с движением времени.

С улицы ни фонтан, ни сквер видны не были. Для посторонних это был просто жилой дом несколько старомодной архитектуры. К тому же никто уже не помнил, что этот район, угол Хорошевского шоссе и Беговой улицы, когда-то был

отведен городскими властями под своего рода заповедник для интеллигенции, поэтому здесь давали квартиры писателям, артистам, художникам, ученым и инженерам. Теперь это был самый обыкновенный район, и только те, у кого здесь прошло детство, знали о его прежней необыкновенности.

– Сашка! – Вера вышла в прихожую, услышав, что в замке повернулся ключ. – Ты как чувствуешь всегда: я с утра о тебе думала.

– Что же ты обо мне думала? – улыбнулся Александр.

– Боялась за тебя почему-то. Подумала даже, не случилось ли с тобой чего. Вроде ты не на охоте своей дурацкой, но все-таки...

Все-таки связь между ними – глубокая, врожденная – была нерасторжимой. На нее не могла повлиять такая мелочь, как разные квартиры, разные житейские заботы. И даже такая могучая вещь, как время, была над ней не властна.

– Чай будем пить, – сказала Вера. И смущенно объяснила: – Обеда нет. Вчера с работы поздно пришла, неохота было готовить.

Ее расставание с Кириллом прошло не просто ровно и спокойно, а даже эффектно: на прощанье он подарил ей деньги, чтобы она могла открыть школу английского языка, о которой давно мечтала. Сашка даже рассердился тогда: почему она ему про эти свои мечты не сказала, что он, какую-то сотню тысяч для сестры не нашел бы? Но, как бы там ни было, теперь у Веры была работа, и, в отличие от прошлых лет, когда она перебивалась какими-то унылыми заработками, работа такая, которая очень ее увлекала. К тому же это была не наемная работа, а собственное дело, и в этом собственном деле проявились способности, которые Сашка всегда в Вере подозревал; она оказалась весьма успешной бизнес-леди.

Вера сняла со стола вязаную скатерть, постелила другую – чайную, вышитую. Обе скатерти сделала мама – к новоселью, когда Ломоносовы перебрались наконец из малосемейки в настоящую квартиру. С тех пор так и стоял посреди столовой-гостиной старомодный круглый стол, накрытый вязаной скатертью; Вера его не убирала.

– Вер, – сказал Александр, глядя, как она легкими, словно взмахи крыльев, движениями накрывает на стол, – а почему...

Он замялся, не зная, как сформулировать вопрос.

– Что?

Вера повернулась, посмотрела внимательными темными глазами. В отличие от Александра, который был точной копией отца, только глаза мамы, она не была похожа ни на кого из родителей. Александр помнил, как однажды, изумленно качая головой, отец сказал, что Вера похожа на его несбывшееся счастье. Что это значило, он не понял тогда и не понимал теперь.

Александр знал, что брак с мамой был у отца вторым, а с первой своей женой он разошелся давно, еще до войны. Но в жизни Игната Михайловича Ломоносова было так много огромных событий, о которых можно было слушать с открытыми ртами, что его дети не особенно интересовались такими маловажными подробностями, как его давно забытые отношения с какой-то неведомой женщиной. Во всяком случае, Александр совсем этим не интересовался.

– Что ты, Сашка? – повторила Вера.

– Да знаешь, я все утро сегодня думал... Мы ведь при родителях всегда здесь обедали, в столовой, не в кухне. Я к этому, получается, привыкнуть бы должен. А вот Юля хотела дома такой же порядок завести, и мне... не захотелось. А почему? Не понимаю я, Вер.

По глазам сестры Александр понял, что она-то как раз отлично это понимает. Но ему говорить не хочет.

– Ну, может быть, ты хотел, чтобы это осталось нетронутым воспоминанием, – сказала Вера.

– Лукавишь ты, – усмехнулся Александр. – Не врешь, но лукавишь.

Это мама когда-то так говорила: не врешь, но лукавишь. Ее речь вообще была полна таких вот забытых слов, не то чтобы простонародных, но очень живых,

звучащих нестерто. Может быть, в городке Александрове, где она жила до двадцати четырех лет, то есть до замужества, и теперь так же разговаривали.

- Садись к столу, Сашка, - засмеялась Вера. - Хватит в пронциательности упражняться.

Меж причудливых цветов, вышитых на белой скатерти, стояли на столе вазочки с медом и вареньем. В одной вазочке был кленовый сироп.

- Тимофей прислал? - кивнул на сироп Александр.

- Алиса угостила, - сказала Вера. - Когда они с Тимкой еще в Москве жили.

Ее сын Тимофей уехал из Москвы год назад. Это случилось с ним так неожиданно - любовь, полная перемена жизни, - что Вера до сих пор не могла прийти в себя. Тим влюбился в американку и уехал с этой своей Алисой в Штаты. Теперь он жил на ранчо в Техасе, и это было предметом постоянной Вериной тревоги. То есть не сама его жизнь на ранчо, она-то как раз, насколько можно было понять издали, полностью соответствовала тому, о чем Тимка мечтал. Он ведь поэтом был, и неприкаянность его, какая-то его... ненужность жизни была в Москве просто гнетущей.

Вообще-то к живой, наполненной обычными трудностями жизни Верин сын был способен со всей наследственной ломоносовской негибкостью. Он не впадал в панику, если задерживали зарплату, знал, что делать с протекшим краном, и руки у него были приставлены как надо. Дело было в другом. Он не хотел становиться белым воротничком, благополучным яппи, или кандидатом филологии, манипулирующим абстракциями, или спившимся бомжем... Но в Москве это были единственные пути, на которые с неизбежной и страшной силой толкала его жизнь. Александр с его простым и здравым взглядом на вещи понимал, что сопротивляться этой силе Тимка сможет недолго. И тем более понимала это Вера.

Так что теперь она должна была бы только радоваться, что сын наконец живет так, как и положено жить мужчине, которого жизнь наградила таким важным и таким бесполезным в обыденности даром, как способность писать стихи. Что он выращивает на этом тexasском ранчо кукурузу и лошадей, а вечерами сидит на веранде под старым персиковым деревом и смотрит на огромные звезды...

Но Алиса, которую он любил и которая любила его, жила при этом не на ранчо в Техасе, а на Манхэттене в Нью-Йорке, потому что ее жизнь была связана с бродвейскими музыкальными театрами. Работа в мюзиклах – это было то, о чем она мечтала с детства, чему училась, что дано было ей от рождения так же, как Тимке была дана потребность писать стихи...

И как долго могла длиться такая вот раздельная жизнь любящих друг друга людей, и что можно было с этим поделать, если ничего поделать нельзя?

Александр заметил, что печальная тень пробежала у Веры по лицу при упоминании о сыне. Но вслух она ничего не сказала. Сестра не любила того, что любили, по Александровым наблюдениям, все женщины ее возраста: пустопорожних разговоров о том, как плохо, что все плохо, и как было бы хорошо, если бы все было хорошо.

- Ну, расскажи мне про себя, - сказала Вера.

Александр улыбнулся. Так они говорили друг другу с детства, если по какой-нибудь причине долго не виделись. И, как ни странно, для Александра это всегда оказывалось легко: немногими простыми словами рассказать сестре о своей жизни, которая наедине с самим собой представлялась непростой.

- Не знаю, что и рассказывать, Вера, - сказал он. - Как-то все у меня... установилось. Я понимаю, - он поймал ее взгляд, - ты с Юлей это связываешь.

Александр не мог не понимать, что, если Юля не любит его сестру, то эта нелюбовь взаимна. Нет, Вера держалась с его женой ровно и за все семнадцать лет его брака не позволяла себе не только скандалов, но даже споров. Но в самой этой невозможности споров, то есть проявлений живых чувств, как раз и выражалась их с Юлей абсолютная несоединимость.

- Нет, ну что ты... - начала было Вера.

- С ней, с ней, - повторил Александр.

- Мне иногда кажется, - поколебавшись, сказала Вера, - Юля - это пропасть между твоей юностью и тем, что у тебя теперь. Но это глупо, так думать, я же

понимаю, – сама себя перебила она. – У тебя и теперь все такое... Живое. Ты работой увлечен, охотой. И на что сетовать? У других в нашем возрасте и этого нет, Сашка.

– Чего – этого? – спросил он.

– Страсти ни к чему нет, – объяснила Вера. – Сердце остывает. Что поделаешь, – улыбнулась она. – Жизни холод. Не каждый его постепенно с годами вытерпеть сумеет.

– Это стихи, что ли? – расслышал Александр.

– «Евгений Онегин» это. Ой, Сашка, сразу ведь стихи слышишь! А говоришь, бездарный.

– А то нет! – усмехнулся Александр. – Что-то я в себе никакого особенного дара не замечал.

– У тебя к жизни дар, – не согласилась Вера.

– Ты зря про Юлю так по-серьезному думаешь, – сказал Александр. – Она в моей жизни ничего не значит. Просто ничего, понимаешь? Нехорошо так про жену говорить, мать моих детей, и все такое. Я больше никому, кроме тебя, этого и не сказал бы. Но на самом деле это так. Она есть, Юля, я ей не мешаю быть, а чем надо, и помогу. Но сказать, что мне ее в жизни не хватает...

– А кого тебе в жизни не хватает?

Александр не ответил. Об этом он не мог рассказать даже Вере. То есть не об Аннушке не мог рассказать, а о том необъяснимом устремлении, которое вдруг связалось у него с этой девушкой.

– А мне родителей не хватает, – не дождавшись ответа, вздохнула Вера. – Совсем по-другому сейчас, чем в семнадцать лет. Тогда, может, в основном помощи от них не хватало. А сейчас – просто их, всего, что в них было. Ты их помнишь, Саш?

Конечно, Сашка их помнил. Хотя в отличие от Веры он оторвался от дома очень рано, и родительская жизнь проходила где-то в стороне от тех путей, которыми жизнь вела его самого. Но, двигаясь своими отдельными путями, он то и дело обнаруживал неожиданные подсказки о том, как ему отвечать на разнообразные вызовы жизни. И всегда эти подсказки оказывались связаны с тем, что он узнал от родителей, и всегда они были точными.

Но сейчас он никаких подсказок не слышал. И что ему делать, не понимал. Может, потому и потянуло его сегодня к сестре – в надежде, что она сумеет ему все это объяснить, если он правильно спросит.

И он уже собрался об этом спросить, уже сложил в уме нужный вопрос, когда услышал глуховатую мелодию своего телефона, который оставил в кармане куртки.

Звонить мог кто угодно. Мало ли у него было друзей и знакомых, мало ли людей были так прочно связаны с ним делами, чтобы нуждаться в нем в выходной! Но все у него внутри почему-то замерло и перевернулось, когда он услышал этот приглушенный звонок.

Александр выскочил в прихожую.

– Саша, – слышалось в трубке, – я дома, я одна. А мне...

– Что, Аннушка? – не дождавшись продолжения этой фразы, спросил он. – Что – вам?

– А мне хотелось бы быть сейчас с вами, – помолчав еще мгновение, тихо сказала она. – Это возможно?

– Да, – стараясь, чтобы голос звучал спокойно, сказал он. – Я буду у вас через полчаса.

Глава 8

Аннушка жила на Юго-Западе. Доехать туда от Беговой за полчаса – это было лихо даже для воскресенья, когда Москва хоть немного отдыхала от пробок. Александр несся по улицам, как «Скорая», но понял это только после того, как пришлось заплатить штраф бдительному постовому.

Но это было уже на проспекте Вернадского, почти рядом с ее домом.

Дом был не то чтобы элитный, но и не совсем типовой. Его окружала ограда, и выглядел он более аккуратно, чем обычные панельные многоэтажки. Александр не спрашивал, кто именно купил Аннушке квартиру в таком доме. Его это совершенно искренне не интересовало.

Аннушка была в халатике, то есть вроде бы одета по-домашнему. Но халатик был шелковый, сшитый с тщательностью выходного платья, и его нежно-зеленый цвет очень шел к ее глазам.

Когда она открыла дверь, Александр еле удержался от желания немедленно обнять ее.

– Вы в самом деле приехали через полчаса, Саша. – В улыбке не было обычной ее веселости, и все-таки эта улыбка действовала на него как пузырьки газировки в детстве. – Интересно, вы когда-нибудь в своей жизни кого-нибудь обманывали? Не женщин, а серьезнее?

– А кто вам сказал, что я обманывал женщин? – пожал плечами Александр.

– Ну, это обычный ваш обман. Ваш, мужской, – уточнила она. – Проходите, будем пить французское вино.

Александр чуть не выругался от досады. Он только теперь сообразил, что, торопясь к Аннушке, не догадался купить ни вина, ни еды. Не говоря уже про цветы, о которых вообще не вспомнил, как последний жлоб.

– Извините, Аннушка! – расстроено сказал он. – У вас тут, кажется, магазин на первом этаже? Я схожу.

Она засмеялась, по-прежнему обворожительно.

– Вино у меня есть, – сказала она. – И еда тоже. Не домашняя, конечно, я не готовлю, но все-таки разные салатки. У нас в магазине вкусные, и нет риска отравиться. Проходите, я сейчас.

Александр прошел в комнату. Он был у Аннушки впервые и едва удержался от того, чтобы не озираться с повышенным любопытством.

Квартира была однокомнатная, но в этой единственной комнате имелось что-то вроде алькова, задернутого прозрачной занавеской из мерцающей лиловой органзы. Заглядывать в альков Александр не стал, но понятно было, что там стоит кровать.

Обстановка была выдержана в том стиле, который свидетельствует не столько о хорошем вкусе хозяйки, сколько о ее способности усваивать и правильно применять к действительности идеи глянцевого журналов.

Просторная комната была старательно поделена на зоны, каждая из которых имела очевидное предназначение. Вот эта, в едва уловимом японском духе, для занятий фитнесом или йогой, а проще говоря, для утренней гимнастики. Эта, с причудливой формы зеркалом, для не менее важного занятия – наведения красоты. А вот эти дверцы, замаскированные под панно с томными цветами, наверняка скрывают большой одежный шкаф.

У балкона был накрыт низенький столик. На стеклянной столешнице стояла бутылка французского вина и кабаретница, в каждое отделение которой было выложено по ложечке разноцветных салатов. В отдельной прозрачной вазе лежали свежо пахнущие травы.

Стены комнаты были увешаны большими фотографиями, тоже очень стильными, точнее, профессионально сделанными. Фотографии были невероятно эротичны, даже те, на которых модели были не вполне обнажены. Эротика была не в степени раздетости этих женщин, а в том сильном чувственном заряде, которым выстреливали их глаза.

Но разглядеть фотографии подробнее Александр не успел.

– Садитесь, Саша, – пригласила Аннушка, входя в комнату из кухни.

В руках у нее была фарфоровая дощечка с выложенными по кругу сырами. Она пристроила дощечку на стол. Для этого ей пришлось чуть присесть – стол был низкий, – и эта поза выглядела так же соблазнительно, как у моделей на фотографиях. Александру захотелось не в кресло сесть, а, взяв Аннушку под колени, уложить ее на пол, прямо на молочного цвета ковер. Он судорожно сглотнул, так сильно ему этого захотелось.

Но ничего такого он, конечно, не сделал, а сел в низкое кресло у столика и налил в бокалы вино.

– Может быть, я свечи зажгу? – спросила Аннушка.

– Пожалуйста, – пожал плечами Александр. – Могли бы и не спрашивать.

– Ну, а вдруг бы вам не понравилось! Многие мужчины считают еду при свечах ужасной пошлостью. Тем более днем. Ведь и так светло.

– Я не считаю свечи пошлостью, – улыбнулся Александр.

– Вы продвинутый мужчина.

– Просто я об этом не думал.

Аннушка достала из бара хрустальные подсвечники и зажгла в них длинные темно-лиловые свечи. Свечное пламя в самом деле смотрелось при дневном свете необычно. И хорошо: что-то обещала эта необычность, чем-то будоражила.

– Я положу вам салат, – сказала Аннушка.

– А вам? – спросил Александр, когда увидел, что она накладывает салаты только в его тарелку.

– Что вы, я такое не ем! Это же с майонезом. Я только травку.

Не было никакой особенной заботы в том, что она купила салаты специально для него. У него были женщины, которые готовили к его приходу такой стол, что глаза разбегались от изобилия яств, и не хотелось отходить даже к кровати, и

ясно было, что они посвятили подготовке этого стола не пятнадцать минут, нужных для того, чтобы спуститься в магазин на первом этаже своего же дома, а по меньшей мере сутки. Но Аннушкина пустяковая забота была ему приятнее, чем все предыдущие усилия женщин, о которых он в эту минуту не мог вспомнить ничего, даже их имен.

- За сегодняшний день. - Александр отпил из своего бокала.

- Странный тост, - удивилась Аннушка и выпила свое вино до дна.

- Ничего странного. Сегодня хороший день.

- Чем же?

- Тем, что я вижу вас без привычного глянца.

- Вы имеете в виду мою косметику? - усмехнулась она.

- Я имею в виду вашу отстраненность. Не недоступность, - жестко пояснил он, - а ваше обычное безразличие ко мне.

- Вы ошибаетесь, Саша, - тихо сказала Аннушка. - Я никогда не была к вам безразлична. Просто... Ну, я не привыкла бросаться на шею! Да вы ведь и сами этого не любите, - с вызовом добавила она. - Вы, мужчины.

Она была права в своей незамысловатой пронизательности. Он действительно не любил, чтобы женщины сами бросались ему на шею, да и никто из мужчин этого не любил, даже если это льстило их самолюбию. Но сейчас, но от нее ему хотелось именно этого, даже только этого ему хотелось - чтобы она бросилась ему на шею и забыла обо всем в его объятиях. Вот так, с такой вот дурацкой возвышенностью.

Ничего он не понимал! Почему это странное желание охватило его именно по отношению к ней? Когда это вообще произошло с ним?

Александр точно знал, что в ту минуту, когда он впервые увидел Аннушку, ничего даже отдаленно похожего на это желание у него не возникло. Если ему

чего и захотелось тогда, так это разве что снять с ее головы дурацкую бейсболку, чтобы получше разглядеть ее личико, которое, он сразу догадался, должно оказаться симпатичным. Таким оно и оказалось при более внимательном рассмотрении, но никаких особенных чувств у Александра это не вызвало. Обычная смазливая девчонка при богатом мужике, таких в Москве тысячи, если не десятки тысяч.

«Когда же она меня зацепила? – думал он сейчас, глядя, как Аннушка берет из вазы какой-то кудрявый зеленый листок. – И чем?»

Но думал он об этом ровно до того мгновенья, когда она поднесла этот листок к губам. Губы ее приоткрылись, влажно блеснули... Александр поднялся, взял обеими руками столик и отставил его в сторону. Тоненько задрожали на стеклянной столешнице бокалы. Один из них упал и разбился с жалобным звоном. Александр взял Аннушку за плечи – так же, как только что столик, как будто бы и ее собирался отодвинуть в сторону.

Но никуда он ее, конечно, не отодвинул, наоборот, притянул к себе и прижался губами к ее губам так, словно до дна хотел ее выпить.

Она не сопротивлялась – она повела себя именно так, как он до скрежета зубовного хотел: обняла его за шею и отдалась поцелую с покорностью половецкой полонянки. И еще с каким-то чувством – он не сразу понял, с каким, но, пока поцелуй длился, все-таки понял.

Это была не просто покорность, а страсть покорности. Александр не изъяснялся метафорами даже наедине с собой, но сейчас ему казалось, что он нашел правильные слова. Аннушка покорилась ему именно со страстью, даже с каким-то исступлением.

Этого ли он хотел? Он не знал.

Но анализировать свои желания и правильность их осуществления было сейчас не к месту. Его обнимала молодая красивая женщина, которой он добивался так долго, как не добивался ни одной женщины в своей жизни, она была готова сделать все, что он захочет, и стоило ли размышлять, почему это вдруг произошло?

Александр потянул за поясок на шелковом халате. Халатик упал с ее плеч, но задержался на бедрах: внутри была еще какая-то хитрая веревочка, которую он не развязал. Аннушка сделала это сама – развязала веревочку, качнула бедрами, и халатик скользнул по ее ногам с шелестом морской волны. Под ним она была голая.

Александр с самого начала, с той минуты, когда она открыла ему дверь, знал, что под ее халатиком ничего нет. Но подтвердившаяся теперь догадка не принесла разочарования, как это обычно с ним бывало. Аннушкино тело было так ослепительно, что разочаровать не могло. Могло только очаровывать бесконечно.

– Раздеть тебя? – спросила она.

Она говорила громко, нисколько не стесняясь прямоты своего вопроса. Так же, как не стеснялась своей наготы в ярком дневном свете, усиленном еще и светом свечей, как не стеснялась откровенности своего ответа на желание мужчины.

– Да.

Александр расслышал, что его голос звучит хрипло. Он очень сильно ее хотел. Она уже, можно сказать, и так ему принадлежала, но от этого его желание не делалось слабее. Он подспудно догадывался, что оно не уменьшится и тогда, когда она будет принадлежать ему окончательно.

Аннушка раздевала его с той же прелестной простотой, с которой она делала все и которая так привлекала его в ней. Ее движения не были ни томными, ни торопливыми, они были как раз такими, чтобы от них у него темнело в глазах.

Когда она снимала с него рубашку, то задержалась пальцами у запястий, расстегивая пуговицы на рукавах. Пока она это делала, по его ладоням пробежал разряд, не болезненный, а такой, как будто он взялся за электрические провода со слабым током.

Она расстегнула пряжку его ремня, и ему стало жаль, что джинсы у него не на «молнии», а на болтах, с которыми слишком много возни. Но как только она начала их расстегивать, ему захотелось, чтобы это длилось как можно дольше. Пальцы у нее были такие, что он едва сдерживал совершенно животный хрип,

пока она высвобождала его из последних оков – одежды, каких-то правил, всего, что не имело теперь никакого значения.

– Пойдем лучше на кровать, – сказала Аннушка, почувствовав, что Александр пригибает ее вниз, чтобы уложить на ковер.

На кровать так на кровать, это было ему все равно.

Невесомо качнулась, словно вздохнула, занавеска перед альковом. Даже в ней, в этой поблескивающей ткани, было что-то чувственное. А фотографии, которые Александр видел сквозь лиловый покров органзы, когда ложился рядом с Аннушкой, казались отсюда, из алькова, уже не просто чувственными, а невыносимо возбуждающими.

Прежде, еще только ожидая этой минуты, Александр думал, что Аннушка должна быть изобретательна в постели. Она оказалась совсем не такая, как он ожидал, но это снова не принесло разочарования – наоборот, наполнило восторгом. Эта ее покорность, и готовность прислушиваться к нему, и каждое движение – словно вопрос: так тебе хорошо? возьмешь ты меня, если я буду с тобой такую?..

Еще бы ему было не ответить согласием на эти безмолвные вопросы! Кто бы мог не ответить «да» всем этим прекрасным изгибам, из которых она как-то вдруг, в одну минуту стала состоять вся? Но все-таки он долго обнимал ее то так, то этак, словно проверяя, в самом ли деле так бесконечно разнообразно ее прекрасное тело, действительно ли оно возбуждает любым своим движением.

Он мог это длить бесконечно – этот свой неспадающий восторг. Но каким-то отсветом, отзвуком ума понял, что она может перегореть, и это тут же подтвердилось. Аннушка длинно застонала, когда он положил ее поперек своего живота и принялся обеими руками ласкать ее спину, а потом сел и начал целовать ее вдоль тонкого, как струна, позвоночника. Тут она и застонала, и долгая дрожь прошла по ее спине.

– Тебе больно? – спросил Александр.

Он почему-то подумал, что, может быть, царапает ей спину щекой: щетина всегда росла у него быстро, после обеда хоть заново брейся.

– Не-ет... – глухо выговорила Аннушка; она лежала лицом вниз. – Но это же невозможно... так долго тянуть... Меня же разорвет сейчас!..

Он перевернул ее на спину коротко, резко и сразу упал на нее, придавил сверху. Она вскрикнула, но не от боли или неожиданности, а от наконец сбывшегося желания. Она словно не горлом, а всем телом вскрикнула под ним.

И все ее тело тут же стало частью его тела. Она повторяла каждое его движение, это получалось у нее непроизвольно, само собою, потому, что она хотела сделать все так, как хотел он сам. Но в этом ее очевидном желании, в этой волшебной покорности была какая-то такая... недостаточность, что он хрипел, бился, он чуть наизнанку не выворачивался от невозможности, невозможности... Он и не представлял, что покорность может быть такой недостижимой! Как будто она не обнимала его снизу ногами и руками, не прижималась, приподнимая бедра, животом к его животу, а убегала от него через бесконечное, непреодолимое какое-то поле.

Он даже не понял, что все уже завершилось в нем. Потому не понял, что ощущение недостижимости осталось, даже когда он забился судорогами в ее послушном теле. Ну как такое могло быть? Но было же!

Он замер, не выпуская Аннушку из-под себя. Он еще вздрагивал потихоньку, и ему было приятно оставаться при этом у нее внутри.

– Что ты? – спросила она.

Голос ее звучал почти испуганно.

– Ничего, – сказал Александр. – Странно как-то. Как будто не кончил. Это не из-за тебя, – поспешно добавил он, увидев, как расстроено приподнялись ее брови. – Что-то я... Старею, может.

Последние слова он произнес с усмешкой. И тут же ему стало неловко за свою пошлую рисовку. На самом-то деле он не чувствовал в себе никаких признаков не то что старости, но даже усталости. И уж точно не было никаких признаков чего-либо подобного в его сегодняшней близости с этой девочкой.

– Напрасно ты так думаешь, – словно в подтверждение его мысли, сказала Аннушка. – Ты сильный и чувственный, как... Как лев! Я даже не один раз с тобой кончила. Хотя раньше думала, про такое только в журналах пишут.

Только теперь, когда она все это произнесла, Александр осознал, что говорил с нею какими-то... совсем не теми словами. Кончил, не кончил... Ему было неприятно слышать это от нее и стало стыдно за то, что она услышала такое от него. Чтобы скрыть от Аннушки свою неловкость, он усмехнулся.

– Ты из-за чего? – заметила она.

– Из-за льва. Он, кроме того что сильный, еще и ленивый. Львицы еду ему приносят и всячески ублажают, а он главным образом чувственность проявляет да посторонних львов от них отгоняет.

– Я готова! – Аннушка рассмеялась и, ловко выскользнув из-под него, уселась рядом на кровати. – Могу принести тебе сыр.

– А как насчет посторонних львов?

– Нет, все-таки животные львы умнее, чем человеческие! Ты видишь здесь хоть одного постороннего льва?

Аннушка обвела комнату рукой. При этом она случайно царапнула Александрово плечо, и он почувствовал, что хочет ее снова. Давно с ним ничего подобного не было! С самой молодости, пожалуй. Но в молодости ему просто хотелось, и в общем-то неважно было, кого. А сейчас он хотел именно ее и с недоумением, почти с тревогой сознавал, что это желание не может быть осуществлено. Даже если он прямо сейчас, немедленно повторит все, чем с таким упоением занимался с нею пять минут назад. Даже если она снова отдастся ему с той же страстной покорностью. Да что же это такое, в чем тут дело? Непонятно!

Стоило ему вспомнить о ее страстной покорности, как губы у него сразу пересохли.

– Плевать на львов, – судорожно сглотнув, сказал Александр и спустил ноги на пол. – Я сейчас.

- Куда ты? - не поняла Аннушка.

- Вина возьму.

- Нет уж! - засмеялась она. - Будем как львы. Я сама тебе принесу.

Она спрыгнула с кровати и пошла за вином. Сквозь лиловый блеск занавески ее голое тело выглядело эротичнее, чем все фотографии на стенах, вместе взятые. Оно сияло и переливалось, как драгоценный камень. Александр чуть не ослеп, глядя на это сияние.

- Аннушка! - позвал он.

- Что? - Она обернулась.

- Не надо вина. Иди ко мне.

Она тут же вернулась в альков, успев, впрочем, прихватить со стола недопитую бутылку и неразбитый бокал.

- Саша... - шепнула она, ложась рядом. - Я тебя тоже хочу. Давай ты будешь лежать, а я тебя буду... Все тебе буду делать!

То, что она обозначила волшебным словом «все», оказалось так прекрасно в своей кипящей чувственности, что в следующие долгие минуты Александр мог лишь стонать и вскрикивать. И вино она выпила сама - наливала понемногу ему на живот и собирала губами, шепча горячо:

- Ты стройный, из тебя, когда ты лежишь, пить можно... Вот та-ак... Да-да, и вот так!..

И тут она замолчала, потому что вся отдалась тому, что назвала «из тебя пить». И только его прерывистое дыхание да ее короткие стоны нарушали тишину.

- Спасибо, - сказал Александр, когда все это кончилось снова.

Аннушкина голова еще лежала у него на животе. Она подняла голову, посмотрела недоуменно.

– За что спасибо?

– За... это.

– Не стоит благодарности. Мне самой это нравится.

Как-то не так она сказала. Что-то не то было в ее словах. Или в интонациях. Что-то совсем не то!

Или просто его мучила неутолимость желания?

Александр встал – осторожно, чтобы Аннушкина голова не слишком резко соскользнула с его живота, – и, подобрав с ковра свою одежду, пошел в ванную.

«А до того и душ даже не принял. Лев!» – сердито глядя в зеркало на свое потемневшее от щетины лицо, подумал он.

Когда Александр вышел из ванной, Аннушка была уже в халатике. Она сидела в кресле и пила вино. Бутылка, стоящая перед ней на столике, была пуста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/berseneva_anna/azart-srednego-vozrasta

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)